

Гай Юлий Орловский
Марго Генер

ПОТЕРЯННА

Золотой Талисман

Марго Генер
Гай Юлий Орловский
Потерянная
Серия «Золотой Талисман», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67111965

SelfPub; 2024

Аннотация

Люди не смогли ответить на вопрос, кто такая Каонэль. Солнечные эльфы пришли в замешательство, пытаясь понять, откуда взялась своенравная красавица с пепельной кожей, какая сила таится в желтых глазах. Два эльфа стучат а в сердце загадочной эльфийки, пытаясь помочь ей найти ответ. Но больше всех это хочет выяснить она сама. Чтобы вернуть память, эльфийка пускается в опасный путь на поиски Золотого Талисмана... Сможет ли она его разыскать и кто, солнечный или лесной эльф, найдет ключ к ее чувствам?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	39
Глава 4	55
Глава 5	70
Глава 6	86
Глава 7	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Марго Генер, Гай Юлий Орловский Потерянная

Глава 1

Ощущение боли пришло неожиданно и оказалось таким сильным, что я дернулась. Кости ломит, кожу печет. Попробовала разлепить веки, но свет ослепил. Пришлось зажмуриться и ждать, пока перед глазами не перестанут плавать пятна. Когда разлепила веки, долго щурилась и моргала.

Надо мной бледное, почти белое небо с рядами облаков, за ними сияет желтое пятно.

Порезы мои саднит, попробовала шевельнуть ушами, но те не сдвинулись. Над головой некстати раздалось протяжное:

– Ка-аррр!

Я подняла голову. В небе нарезает круги огромный ворон. Белые глаза сверкают, как слюда, крылья переливаются синевой, птица наблюдает за мной с высоты.

Я вяло вяло наблюдала за ним. Когда горячий ветер принес облачко пыли, лоб зачесался. С превеликим трудом мне удалось поднять руку и поскрести его пальцами, затем я с

выдохом уронила ладонь в песок и прохрипела:

– Летай. Пользуйся превосходством.

Ворон сделал еще несколько кругов и улетел.

Я опустила взгляд и скривилась от своего облика. Короткая юбочка едва прикрывает бедра, грудь стянута куском ткани. Ноги босые, серая кожа потрескалась от солнца.

Местный пейзаж добавляет отчаяния – вокруг песчаные дюны, ветер гонит тучи желтой пыли. От самых моих пяток тянется зигзагообразный след и теряется где-то в бархане.

Я шумно сглотнула, в груди шевельнулась тревога. Но когда пригляделась, заметила по краям ямки от трехпалых лап, и облегченно выдохнула – не змея. Ящерица.

Вокруг пусто, но на всякий случай я развернулась в сторону бархана и сделала самое суровое лицо, на какое способна в таком состоянии.

– Не видать вам сегодня свежего мяса! – крикнула я хрипло, распластавшись на песке.

Горло обожгло, я закашлялась. Попытка подняться обернулась головокружением. Еле удержалась, чтобы не упасть. Пришлось снова лечь на спину и сделать несколько глубоких вдохов.

Продолжая бессильно лежать, я прислушалась к состоянию. В порезы попал песок, но я сжимаю губы и молчу, будто что-то внутри заставляет терпеть.

Несколько мгновений я неподвижно лежала на песке, перевернувшись на живот. Горячие крупинки впились в щеку,

словно пытаются проникнуть под кожу, так что пришлось заставить себя подняться. Тут же меня резко повело в сторону, я растопырила руки и какое-то время ждала, пока мир перестанет качаться.

Постепенно картинка сбалансировалась. Всего в нескольких шагах зеленеет роща, от деревьев тянет прохладой и свежестью. Во мне шевельнулась надежда. Тяжело переставляя ноги, я добралась до травы и пробормотала:

– Подожди смерть... Не сегодня.

Длинные кончики моих ушей все еще безжизненно висят. Влаги в них не больше, чем в остальном теле, но слабеют первыми, потому, что кожа тонкая и мяса внутри почти нет.

– Пить. Нужно срочно попить, – пролепетала я и, доковыляв до ближайшей тени, я села под дерево и раскинула ноги.

Но сделала это неуклюже и ветка соседнего куста противно царапнула плечо, выступила густая сукровица и тут же схватилась корочкой. Я безразлично посмотрела на рану.

Голова снова закружилась, пришлось вцепиться пальцами в траву, чтоб удержаться сидя. Из нее брызнул зеленоватый сок с сильным мятным запахом. Когда попал на ссадины на ладонях, их сильно запекло. Я измотано опустила взгляд, наблюдая, как пузырится сукровица.

Когда жжение прекратилось, я с изумлением обнаружила здоровую серую кожу без единой царапины.

– Ну и дела, – прошептала я и уставилась на ладонт. – Чудо-травя, природная магия.

Наверху хрустнуло. Я подняла голову, но успела заметить лишь черный силуэт и ветку, усыпанную крупными плодами, которая стремительно полетела вниз.

Надо было сгруппироваться, подвинуться, но я лишь подтянула колени, а ветка пронеслась справа, задев уголок уха.

– Проклятая деревяшка. Нашла, куда падать... – произнесла я пересохшими губами.

Коряга замерла у правого бедра, а я с изумлением уставилась на нее, в тайне надеясь, что это не мираж. На секунду закралось подозрение – вдруг плоды несъедобные. Но пальцы сами потянулись к пище.

Сорвав плод, я наслаждением впиалась в сочную мякоть и поглощала плоды, пока на ветке не остались одни черешки. В животе довольно булькнуло, уши потеплели и поднялись.

– Не умру, – прошептала я в пустыню все еще хриплым голосом. – Слышишь, ящерка? Не сегодня.

У меня хватило смелости сорвать пучок чудесной травы и натереться, пока раны не воспалились. Кожу запекло, когда все порезы вспенились, я откинулась на ствол и замерла в ожидании. Жжение проникло в самую глубь, словно крошечные жуки вгрызаются в тело. Чтобы не потерять сознание, я попыталась думать об исцелении, о полезности травки, хоть и жгучей до дурноты, и молча терпела с каменным лицом.

Боль отступила неожиданно и полностью. Сукровица исчезла, раны затянулись, даже шрамов не осталось.

Как только телесная боль отступила, в черепе загудело. Я тряхнула головой, пытаюсь освободиться, но шум лишь усилился. Миллионы голосов зашептали на разных языках, галдя и пытаюсь перебить друг друга.

Я зажала уши ладонями и закричала:

– Оставьте меня в покое!

Рой моментально затих. Я замерла в ожидании новой волны, но, мысли будто поняли, кто тут хозяин, разбежались и тихонько выглядывают из-за углов.

Повисла тишина.

Из глубины сознания поднялась мысль, настолько огромная, что я съежилась. Она уставилась пустыми бездонными глазами и зашагала вперед. Даже слышно стук каблуков, а может это просто пульсирует в висках кровь.

Мысль царственно подошла и поклонилась.

– «Кто я», – представилась она.

Во рту пересохло, теперь уже от нервов.

– Кто я? – механически повторила я и опустила руки в траву.

Мысль зловеще захохотала и растворилась в пустом сознании.

По небу плывут реденькие облака, солнце беззаботно сияет. Ветерок играет с кронами деревьев и шелестит листвою. Мир такой, как прежде, и просуществует еще миллионы лет. Ничего не изменилось кроме одного – я не помню этого «прежде».

Я с силой потеряла лоб, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но в голове пусто, разве что муха не летает по кругу.

– Может все сон? – спросила я себя. – Во сне всегда не помнишь, как уснул.

Ожидала, что величественная мысль снова поднимется из неведомых глубин, но та предательски молчит.

Снова потеряв лоб, я проговорила быстро:

– Нет. Боль была вполне реальной, такое не спутать. Имя! У меня должно быть имя! Все плохо, все очень плохо!

В районе солнечного сплетения ухнуло, будто оборвался подвесной мост, по телу прокатилась волна паники. Я подскочила, едва не стукнувшись о ветку, и в ужасе кинулась в глубину рощи.

Несколько раз чуть не осталась без глаз из-за кривых веток. Еловые колючки ободрали кожу, листья налипли на лоб и плечи. От чумного бега в затылке потеплело, даже нагрелись уши. На пути выскочил раскидистый куст с блестящими от сока шипами. Когда попыталась обогнуть его слева, споткнулась о пенёк и рухнула в заросли.

Колючки оставили неглубокие, но длинные порезы. Я взвыла от досады, но падение в терновник немного отрезвило. Поднявшись, я встала рядом с кустом, чтобы осмотреть на наличие яда.

– Вырос, бестолочь! – процедила я, будто пенёк может понять.

Пенёк, естественно не ответил, стоит себе у куста, качает

грибочками на тонких ножках. Зато куст цветет и благоухает, призывно раскрыв бутоны. Над ними гудят пчелы, от чего куст кажется неведомым зверем.

Поняв, что яда в нем нет, я осмотрела царапины. Они оказались не глубокими и заживут без магической травы. Но все же пришлось минуту стоять без движений и глубоко дышать, приводя мысли в порядок и заставляя сердце биться ровно.

– Хорошо, – попыталась рассуждать я, – мне не известно имя, откуда и куда направлялась. Но я жива, могу связно думать и изъясняться. Какая-то тварь дала мне по голове и бросила погибать в пустыне. Не с неба же я свалилась. Но потеря памяти не бывает вечной. Скоро вернется. Непременно должна вернуться.

Наивные выводы немного меня успокоили, но в груди заворочались смесь обиды и гнева. Я сдавленно зарычала и двинулась сквозь заросли в поисках разумной жизни.

Мысли потекли пустые и безответные, похожие на разбавленный кисель. Безмолвная тревога притаилась в районе груди и время от времени напоминает о себе короткими спазмами.

Я понимала, произошло что-то нехорошее. Возможно, сама натворила что-то ужасное – съела чей-то обед или пришла на прием в одинаковом наряде с какой-нибудь королевой. Но за это не убивают. Или убивают?

В ветках пискнула синица. Вспорхнув с ветки, она села мне на плечо и залилась звонкой трелью. Я с удивлением по-

косилась на бесстрашное создание. Птичка перестала петь и развернулась пестрым боком. Глаз-бусинка внимательно уставился на меня.

Я поднесла палец к пушистому брюшку, осторожно прикоснулась. На ощупь перышки мягкие, как высококлассный шелк. Птичка встрепенулась, растопырила крылышки, но не улетела.

– Привет, козявка, – прошептала я в пернатую голову. – Не боишься?

Птичка повернулась, посмотрела другим глазом, будто поняла. Затем чирикнула и упорхнула к сородичам.

Я вздохнула, в голове проплыли странные мысли о небе, полетах и бескрайних просторах, даже подумала, что из меня бы получилась отличная птаха. Тогда бы точно не попала в эту нелепую передрагу. Просыпаешься, чистишь перья и отправляешься ловить жуков, чирикать хором и гадить с веток. Если не нравится – лети в другое место, где небо выше, трава зеленее и жуки жирнее.

Под ногами похрустывают ветки, приходится ступать осторожно, иначе напугаю местное зверье или еще кого-нибудь. В лесу обитают такие твари, которых лучше не встречать.

Вверху тихо шелестит листва, тень от нее настолько густая, что полностью накрывает нижний ярус. Из-под зеленых кочек время от времени выпрыгивают любопытные белки, смешно растопыривают лапы, шевеля рыжими носами.

Я покосилась на них и произнесла, стараясь заставить голову работать в нужном направлении.

– Итак, – проговорила я. – Помню названия зверей и растений, но не помню ничего о себе. Это странно. Я думала, если память отшибает, то полностью.

Густая поросль кончилась, вместо нее пошли аккуратные кустики с прозрачными зелеными шариками. Сразу видно, кто-то нарочно высадил, то ли для красоты, то ли для удобства сбора ягод. Я на ходу сорвала горсть и отправила в рот. Круглые шарики с треском лопнули на зубах, расплескивая горький вяжущий сок.

Я скривилась, терпкий вкус высушил язык, пришлось выплюнуть.

Через несколько шагов выбралась на хорошо утоптанную тропу. Из дальних зарослей донеслось фырканье и сопение. Медленно подкравшись к обочине, я раздвинула ветки.

За кустом в середине полянки скачет енот вокруг огромного ореха, коготки царапают скорлупу, пытаюсь расколоть. Орех катается по траве и разваливаться не торопится. На шорох енот обернулся, шерсть вздыбилась, глаза испуганно уставились на меня.

– Может, тебя надо изловить и съесть? – поинтересовалась я.

Енот словно понял, уши прижались, он сжал коготками орех и испуганно присел на задних лапках. Когда представила, что придется гоняться за ним, подманивать, возиться,

уши мои уныло повисли.

– Радуйся, звереныш, – сказала я. – Мне идти надо.

Я отпустила ветки и отошла, а из зарослей донесся топот убегающих лап.

Тропа вновь двинулась навстречу. Ноги по щиколотку утопают в пыли и противно чешутся, но под рыхлым слоем чувствуется утоптанная земля. Такое бывает после суховеев, видимо, надувает со стороны пустыни.

Деревья редеют, кто-то явно позаботился о том, чтобы по тропе можно было свободно передвигаться даже ночью. По обочинам воткнуты палки с намотанными на концы тряпками. От ткани идет резкий маслянистый запах.

У старых деревьев ветки толстые, их подперли деревяшками. А деревца помоложе сами торчат, как веники. Видно – умелые руки любовно обрезали ветки, чтоб те скорее достигли плодоносного возраста, окопали.

Уверенности у меня прибавилось. Жители, которые, бережно заботятся о кустах, непременно должны быть добродушными. И уж конечно, окажут посильную помощь потеревшейся путнице.

Тропа стала шире, деревья ниже, трава превратилась в кудрявый спорыш. Наконец, роща кончилась, и передо мной открылось пшеничное поле. Высокие колосья с приятным шорохом шумят на ветру и клонят золотистые головы. Я провела рукой по желтому ковру и облегченно выдохнула – землю возделывают, значит помощь близко.

Пришлось оставить спасительную тень и двинуться сквозь пшеницу. В прокаленном мареве пахнет соломой, в зарослях стрекочет то ли кузнечик, то ли еще кто-то. Воздух тяжелый и солнце палит, но душа ликует.

Через каждые три шага холмики кротовых нор, слишком больших для обычных кротов. Приходится перепрыгивать, пока под ногами шмыгают разжиревшие мыши.

Впереди замаячили коренастые фигуры мужчин и женщин, я подошла ближе и присмотрелась.

Те, что впереди – орудуют косами. Лезвия срезают тонкие стебли, оставляя у земли невысокие черенки. Другие следуют за ними на почтительном расстоянии, укладывают пшеницу аккуратными рядам и вяжут в снопы.

– Точно, – прошептала я. – Как и думала. Фермеры. Добродушные фермеры.

Вскинув ладони в приветственном жесте, я направилась к ним.

Глава 2

Первой мое приближение заметила толстая баба с пучком соломы в кулаке. Она приглядывалась и щурилась, пока я прыгала через кротовые норы. В конце концов, баба бросила солому и приложила ладонь козырьком ко лбу. Глаза медленно округлились, она подхватила подол юбки и истошно заорала:

– Эльфы! Чертовы эльфы вернулись!

Потом резко развернулась и бросилась убежать через выкошенное поле.

Я уронила руки и застыла в глубокой растерянности, оттопырив уши. Горячий ветер тем временем буквально скребет кожу, треплет волосы, в лицо летят остатки сломы.

– Мне... мне помощь нужна, – пробормотала я изумленно.

И тут же поняла, как глупо это прозвучало.

Работяги на секунду замерли в замахе, приглядываясь ко мне. Лица хмурые и настороженные. Женщины еще секунду смотрели на меня, потом с поросычьим визгом крутанулись и кинулись вслед за первой, а мужчины хором взревели и ринулись на меня.

У меня мелькнула запоздалая мысль – надо бежать обратно в рошу, а не стоять истуканом посреди поля. Но ноги словно приросли к земле, а я выпучила глаза, наблюдая, как

приближается толпа разъяренных мужиков. Когда, наконец, смогла шевелиться, фермеры окружили меня плотным кольцом и наставили острия кос прямо в живот.

Я мысленно выругалась. Ну конечно, только мне могло прийти в голову, что фермеры раскроют объятия непонятно кому. Рожи перекошенные, носы картошками – такими только малышей пугать.

Делать нечего, пришлось поднять руки над головой.

– Я с миром, – сказала как можно дружелюбней. – Я вам не враг.

Рыжий мужик со шрамом на щеке замахнулся косой и оскалил гнилые зубы.

– Заткнись, мерзкая тварь! – проревел он басом. – Не враг, ишь ты! Незамеченной решила пройти? Ничего, Старейшина решит, что с тобой делать.

Он выставил лезвие перед собой и медленно обошел, не сводя с меня злого взгляда. Остальные замерли с поднятыми косами. Пока я тарасилась на фермеров, мужик прошмыгнул за спину и скрутил мне руки колючей веревкой, при этом умудрился удерживать черенок косы. Затем бесцеремонно толкнул в спину и проорал:

– В деревню её, под замок!

Я зажмурилась. Перед глазами поплыли цветные круги, в ушах зазвенело. Самое время взмолиться каким-нибудь богам. Но, как назло, ни одного не помню.

Когда открыла глаза, почему-то стало еще страшней. Во-

круг угрюмые фермеры со сверкающими косами и растворяются, как дурной сон не намеренны.

В животе похолодело. Мужики сверлят меня глазами и качают остриями над землей. Если с размаху кто-нибудь из них ударит – голова с плеч.

Я нерешительно шагнула, но споткнулась о сухой корень. Однако ноги резко поджались и аккуратно спружинили, будто обладают собственным разумом, не дав мне позорно грохнуться. Я выпрямилась и с изумлением опустила взгляд на стопы.

Мужик гаркнул прямо в ухо:

– Шевелись, тварь!

Мое самообладание пошатнулось, даже в голову не приходило, что фермеры могут на меня накинуться. Ох, нельзя выдавать страха, нельзя. И уши прижимать тоже нельзя, а очень хочется.

Я нервно сглотнула, проталкивая комок в горле, когда рыжий поднес лезвие к самому носу.

– Ну, пошла! Тебе два раза повторять надо? – заорал он в нетерпении.

Я подчинилась.

Пока шли, незаметно рассматривала фермеров. Кожа бронзовая от солнца, могучие тела закрыты рубахами. Бороды настолько длинные, что можно заплетать. В глазах чернота, смотрят враждебно, будто я что-то украла. Рыжего слушают – значит, главный.

Руки у меня быстро затекли в неестественном положении. Попробовала растянуть узел, но сухая веревка лишь сильнее впилась в кожу, и я в бессилии закусил губу. И все же, пытаясь выглядеть бесстрашной, я выпрямила спину, а голову подняла. Рыжий это заметил и больно ткнул мне черенком в плечо.

– Не выделывайся, эльф, – сказал он и поскреб пальцами подбородок. – Старейшина быстро собьет с тебя спесь.

Ключки смелости моментально испарились.

– За что? – вырвалось у меня.

Мужик не ответил, только многозначительно гыкнул, губы расплзлись в ухмылке, обнажив гнилые зубы. Я отвела взгляд, чтобы не видеть мерзкой рожи.

Мы пересекли поле и вошли в деревню. В нос ударил запах тухлятины и навоза. Я скривилась, щеки сами надулись, стараясь сдержать дурноту, а рыжий снова толкнул в бок и указал на дорогу.

В моей груди закипело, страх перемешался с гневом, и я прошипела:

– Чтоб тебе провалиться! Не обязательно все время тыкать. Можно и словами.

Фермер трубно высморкался, лезвие его косы пролетело над головой, я еле успела уклониться, чтобы уберечь уши.

– Словами будешь со своими болтать, – бросил он, и тут же злорадно улыбнулся. – Хотя нет. Скорее всего, тебя прибьют сегодня.

Пока мужик вытирался рукавом, я огляделась. С десяток деревянных домов выстроены по кругу и обнесены частоколом. В середине высокий терем с длинным крыльцом и резными колоннами. Двор похож на гигантское грязевое поле, в середине которого две глубокие колеи тянутся мимо ряда корыт и теряются где-то за домами. Вместе с поросятами в луже кувыркаются дети, такие похожие, что не отличить, кто есть кто.

Из-за телеги с сеном вывернула та самая баба, которая подняла шум. За ней уверенно шагают две дородные девки с полными корзинами. Из плетенок тянет кислыми плодами и гнилым мясом. У меня в носу засвербело, я с трудом сдержала чих.

Тетки решительно приблизились. Баба злобно оскалилась и запыхтела. От постоянного солнца и ветра лицо толстухи покрылось паутиной морщин, щеки обвисли и сотрясаются как обезвоженные уши.

Она уперла руки в бока.

– Вы когда-нибудь видели что-нибудь более мерзкое? – бросила она подругам через плечо.

Мое сердце застучало, как безумное, уши дрогнули, но я проговорила, скривив губы:

– Ты себя вообще видела? Я грязная и не одетая. Но точно не мерзкая. Если бы не веревки, не косы, нацеленные в живот – задушила бы собственными руками.

Девки глупо захихикали, подставляя бабе корзины с тух-

лостями.

– Что-о? – только и смогла выдохнуть бабка.

Ее щеки надулись, как у жабы в летнюю ночь, глаза выпучились. Она выхватила из кучи красный блестящий плод и запустила мне в лицо.

Я сама не поняла, как успела увернуться, колени резко согнулись, спина выгнулась и на секунду я застыла параллельно земле. Потом мышцы во всем теле сократились, и меня моментально выпрямило, как ивовый прут.

Я с трудом сдержала победную улыбку, зато баба побелела от злости и завопила:

– Ах ты тварь! Ловкая значит? А если так?

Она обернулась к подругам и подхватила подол юбки.

– Ну-ка, девочки, – прокричала она, – покажем эльфийской заразе, кто здесь главный! Хватайте помидоры!

Девки заржали, будто только и ждали, когда тетка даст команду, и обрушили на меня поток тухлятины.

Затылок моментально потеплел. Прежде чем успела что-то осознать, мое тело изогнулось, корпус отклонился назад и быстро завертелась, избегая унижительных встреч с помидорами. Я крутилась и проявляла чудеса гибкости, краем глаза замечая, как мужики и бабы тарашатся с открытыми ртами, даже дети побросали поросят и выглядывают из-за юбок.

Рыжий вскинул широкую ладонь, и обстрел моментально прекратился.

– Довольно! Ведите в темницу. Макар! – гаркнул он и

обернулся к коренастому мужику в красной рубахе. – Иди к старейшине. Скажи, мы поймали эльфа-шпиона.

Мужик с бородой до груди бесцеремонно толкнул меня и повел к низенькому сараю, двери которого нараспашку, будто специально ждали весь день. Из прохода тянет затхлой сыростью и старой картошкой.

Мы спустились по скрипучим ступенькам в небольшое темное помещение. По глазам прокатилась желтоватая волна, через секунду проступили мельчайшие детали, как если бы кто-то включил свет.

Нет. Лучше.

От солнечного света получается масса бликов, а тут предельная четкость и глубина. В моей груди затрепетало. С ночным зрением можно попытаться сбежать, когда деревня уснет. Правда, пока не знаю как.

Стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, я задержала дыхание и украдкой глянула на стражников. Те нелепо щурятся, вглядываясь в сумрак подвала, и держат косы наготове. Можно рвануться сейчас, но выход сторожат несколько фермеров. Придется ждать.

Мужик указал в конец подвала, который полностью занят клеткой с прутьями толщиной в руку.

– Туда, – приказал он.

Я угрюмо опустила голову и подошла к решетке. Лязгнули засовы, двери камеры распахнулись и меня с силой толкнули внутрь. Чтобы не упасть, пришлось снова успеть переско-

чить с ноги на ногу и спружинить.

– Да чтоб вас! – процедила я едва слышно и угрюмо покосилась через плечо на мужика.

Послышались грохот замка, топот на лестнице и стук двери. Через секунду в подвале затихло. Руки развязать мне никто не потрудился, так оставили со стянутыми локтями.

Камера с земляным полом и решетчатым окошком под потолком моментально навееяла тоску и уныние. Чтобы хоть как-то отвлечься от хандры я стала разглядывать помещение. Фермеры потрудились укрепить стены подвала деревянными балками – весной наверняка подтапливает. На них полки с глиняными кадучками, в основном пустые, иначе учуяла бы. Лишь в одном остатки какой-то кислятины. Пол завален мешками с картошкой. Мыши постарались на славу – снизу ткань вся в дырах. Трухлявая лестница без перил, ощущение, что она выходит прямо из земли и заканчивается на выходе.

От сырости и примесей мышьиной жизни в носу противно защекотало. Сквозь основной запах проступили более тонкие, едва уловимые ароматы. Я закрыла глаза. В голове одна за другой проступили картинки. Вот упитанная женщина тащит в подвал набитый мешок, затем какой-то мальчишка сидит между перекладами, видимо прячется от кого-то, потом молодая парочка предается утехам втайне от посторонних глаз...

Образы родились прямо из воздуха, показывая все, что

здесь происходило. Я потрясла головой, сбрасывая остатки бесполезных видений. Чтобы сберечь силы, опустилась на сырой пол и уперлась спиной о стену. В голове осталась единственная мысль – за что?

Из-за неё в груди медленно заклокотало и горячая волна поползла вверх. Когда достигла головы, перед глазами вспыхнули желтые и сиреневые круги, а уши запылали, будто их намазали перцем.

– Уродливые гады! – прошипела я. – Я же ничего не сделала. Ничего! Каким-то эльфом назвали. Отлично. Значит я эльф, которого ненавидит вся деревня.

Мне стало до того обидно, что даже всхлипнула. Чтобы совсем не раскиснуть, несколько секунд таращилась в пол и старалась ни о чем не думать. Получалось плохо – мысли в полупустой голове двигаются, как важные гуси.

Я перевела взгляд на решетку. Прутья толстые, за сто лет не распилишь. От них идут странные волны, от которых тело постепенно становится мягким и безвольным. Едва уловимый приторно-горький запах растекается по подвалу, мягко лезет в нос и заполняет легкие.

Мысли противоречиво раздвоились: с одной стороны захотелось бежать подальше, с другой – поддаться усыпляющему аромату, расслабиться и навечно уснуть, забыв о заботах.

Железо.

Крепко же меня ударили, если забыла, как пахнет проклятый металл. Я пригляделась. Прутья светятся красноватым,

широкие волны медленно ползают по подвалу и колыхают воздух. Вот он, тот самый ализариновый цвет, который туманит ум, сковывает волю и ослабляет тело.

В попытке избавиться от сладковатого дурмана я резко выдохнула через нос и, поглядев, на всякий случай, по сторонам, я пробормотала:

– Я выжила под солнцем. Глупо будет погибнуть в плену у полоумных дикарей. Давай, давай, голова, думай. Раз не убили, значит будут допрашивать. Что говорить? Если сказать правду – прикончат.

Рой мыслей, как назло неподвижно замер и тихо наблюдает за бессильными попытками найти спасение.

Едва додумала, как за дверью послышались легкие шаги, я растопырила уши и вслушалась, шевеля острыми кончиками. По ним прокатилась легкая дрожь, кожа покрылась мурашками.

Дверь тихонько отворилась, на ступеньки опустилась маленькая ножка в сапоге, затем показалось хрупкое тельце. Маленькая девочка с золотистыми косичками прокралась вниз и замерла у стены, засунув в рот пальцы. Огромные голубые глаза с интересом уставились на меня.

Мы несколько секунд тарасились друг на друга. Она не проявляла агрессии, и я решила поговорить – дети должны быть сговорчивей взрослых.

– Привет, малявочка, – сказала я тихо. – Тебя как зовут?
Голос прозвучал глубоко и вкрадчиво, я сама не ожидала.

Девочка почему-то вздрогнула и высунула пальцы изо рта. Затем резко развернулась и, спотыкаясь, кинулась вверх по ступенькам.

Я крикнула:

– Подожди! Не убегай!

Но малышка уже выскочила на улицу. Послышался удаляющийся топот маленьких ножек и гусиный гогот.

Дверь осталась открытой, сквозь решетку видно небо и кусочек деревянной крыши. Вздохнув, я снова уткнулась затылком в обшарпанную стену.

От холодной поверхности веет старостью и тоской. Наверное, она перевидала множество безнадежных пленников, которые уходили отсюда в последний путь. Себя стало тоже жалко, в глазах опять помокрело. Захотелось, чтобы пришел кто-то большой и сильный, наказал всех плохих и спас из этого проклятого места.

У входа вновь слышались шаги, на этот раз тяжелые и уверенные, в подвал потянуло сильным запахом сандала и курительных трав. Я точно знаю, такие ароматы используют для вызова духов и окуривания помещений.

Чутье опасно пискнуло и свернулось калачиком в районе пяток, уловив душок магии. Я попыталась вспомнить богов, которые карают врагов, с раскалыванием небес и молниями из туч. Но в голове чисто, как у новорожденной, только мухи не хватает, чтоб летала от уха до уха.

Тяжелый сапог тем временем ступил на лестницу, старые

доски скрипнули и прогнулись. Спустя пару мгновений закутанная в цветные одеяния фигура спустилась в подвал, демонстративно задирая голову, и остановилась у стены. Лицо костлявое, скулы острые, как у покойника, черные глазки впились в меня, изучая сантиметр за сантиметром.

Несколько секунд его взгляд змеёй ползал по моему телу, останавливаясь то на груди, то на неприкрытой талии. Затем главный, а это непременно главный, хмыкнул и скривился в непонятной ухмылке.

За ним по ступенькам сбежал невысокий плюгавенький мужичок и остановился у тощего. Взгляд заискивающий, козлиная борода на треугольном лице растрепалась, как метелка. Из-под жилетки выглядывает красная рубаха поверх штанов.

Плюгавый подскочил к решетке, по-лисьи зыркнул на меня, теребя в руках нитку с деревянными бусами, и отпрыгнул обратно.

– Ей-ей, эльфийка, как пить дать, – проговорил он скрипучим голосом. – Серая-серая. Почему она серая, господин?

Он подхватил подол одежды, потянул к подбородку, гнусаво сопя в длинный нос, и заискивающе уставился на тощего.

Тощий сдержанно прокашлялся и сделал несколько шагов в мою сторону. По моему телу прокатилась волна мурашек, но, чтобы сохранить достоинство, я громко задышала, пытаюсь заменить страх гневом.

Пока скелет мерил меня оценивающим взглядом, я поднялась. Замерев у стены, я разглядывала его в ответ и думала, что совсем не похожа на местных. Все они крупные, мускулистые, кроме этого тощего. Ушей почти не видно. Не уши, а культы, кожа желтая, морщинистая, как перезревшее яблоко. То, что я эльф, уже выяснила. Но ясности от этого мало.

Тощий благоразумно остановился в метре от клетки и накинул себе на локоть край длинного рукава.

– Так-так, что тут у нас, – протянул он бархатным голосом.

Я напряглась, от его слов уши едва не прижались к голове, с трудом удалось удержать их в вертикальном положении. Он прищурил левый глаз и вытянул подбородок. Нос заострился, голова стала похожа на орлиную.

– Хм, серая, но красивая, – проговорил он нараспев. – Откуда вы беретесь? Раньше только светлые донимали, теперь еще желтоглазые. Лазутчица?

В животе екнуло, как если бы он все-таки ткнул в него палкой. Меня передернуло, и по спине в очередной раз побежали крупные мурашки.

Покосившись на прутья решетки, я отодвинулась. Память о железе лежит где-то в глубине сознания, где хранятся самые древние инстинкты. Можно забыть, кто ты и откуда, но красноватое сияние, которое приносит боль и забвение, запоминается навсегда.

Тем временам маленькие глазки тощего разглядывали ме-

ня с подозрительным интересом. Я скривила губы, представив на секунду, какие мысли приходят в остроносую голову, видя перед собой полуголую эльфийку. Затем проговорила осторожно:

– Зависит от того, что меня ждет.

Тощий приподнял орлиную бровь, по лицу медленно поползла хищная улыбка, он глухо засмеялся, а плюгавенький подпрыгнул на месте, физиономия сморщилась, он захихикал. Эти двое хохотали, наверное, вечность. Затем тощий взмахнул ладонью и резко замолчал. Плюгавый моментально затих, согнувшись с заискивающей улыбкой.

Тощий прочистил горло и демонстративно вытянулся.

– Не в твоём положении торговаться, серая, – проговорил он серьезно. – Допустим, все-таки ты лазутчица.

Я сдунула со лба серебристую прядь и спросила:

– И что?

Тощий прищурился, сухие пальцы скользнули по гладко выбритому подбородку.

– И то. Будем допрашивать. С пристрастием, – пообещал он.

При этом странно ухмыльнулся, в глазах полыхнул нездоровый огонёк. Я невольно поёжилась – что-то отталкивающее есть в этом долговязом персонаже с колючим взглядом.

– Да пожалуйста, – проговорила я, усиленно вытягивая уши, хотя внутри все сжалось. – Пытками ничего не добьётся.

– Ты права, – хмыкнул тощий, задумчиво вытянув губы. – Как-то три дня мучили молодого эльфа – хотя бы звук издал. Так и помер молча. Умеете вы терпеть.

Страх и бешенство заклокотали в груди. С большим трудом мне удалось унять дрожь в коленях. Я подняла на него взгляд, показалось, тощий побледнел, но через секунду его лицо вновь приобрело хозяйское выражение.

– Рядом с тобой даже блоха покажется героем, – проговорила я медленно и подумала, что теперь мне точно конец.

Тощий шагнул к решетке и злобно прищурился, его щеки покрылись красными пятнами.

– Не забывайся, эльфийка, – процедил он. – Я могу убить тебя прямо здесь.

Он отвернул пальцами край накидки и показал огромный зеленый камень, ограненный черным металлом. Пальцы коснулись блестящей поверхности, подвеска сверкнула и зашипела.

Самое время замолчать и проявить смирение, но меня уже понесло.

– Так чего ждешь? – сказала я с вызовом. – Давай, убей и закончим. Все равно я тебе ничего не скажу.

А про себя добавила, что говорить мне, особо, не чего.

Тощий с достоинством завернулся в одежду, поправляя складки на груди, и пожал плечами.

– Я бы с удовольствием, – проговорил он, не забыв еще раз скользнуть неприятным взглядом по неприкрытым частям

моей фигуры. – Но народ не поймет. Не могу же я лишиться развлечения изголодавшуюся по зрелищам толпу.

Глаза тощего выжидающе вперились в меня. Взгляд хищный, лицо в морщинах, на голове одуванчиком торчит редкая седина.

Я уставилась вниз, делая вид, что разглядываю куски глины на полу. Тощий мог бы расправиться со мной в один момент. Оба понимаем – ему нет дела до народных увеселений. Власть удерживает другим способом, значит, надеется что-нибудь выведать.

Мысленно я вознесла молитву неизвестным богам, надеясь, что они и дальше меня не оставят. Затем снова подняла глаза и в упор посмотрела на тощего.

– Могу я узнать, с кем говорю? – спросила я, покосившись на карлика за его спиной.

Нос прихвостня широкий, глаза сально блестят из-под кустистых бровей, губы кривятся в мерзкой улыбочке. Кожа неестественно желтая, наверное, болеет. А вообще, уродцы обычно умирают в раннем детстве.

Тощий хищно улыбнулся, обнажив белоснежный клык, все больше походя на живого скелета. Видимо, он единственный в деревне, у кого зубы не проела гниль. От зеленого амулета пахнет примитивной магией. Но ее достаточно, чтобы пришибить меня прямо тут.

Он наклонил голову и вздернул нос.

– Проквас, – обратился он к прихвостню, не сводя с ме-

ня взгляд, – объясни нашей удивительной пленнице, с кем говорит.

Плюгавенький встрепенулся и подскочил к железной решетке. Рот кривится в ехидной ухмылке, зрачки расширились, все мысли отражаются на лице карлика, от них становится совсем дурно.

– Ей-ей, мерзкое отродье, – проговорил он скрипучим голосом. – Тrepеци, серая! Перед тобой Старейшина Последнего рубежа.

– Рубежа перед чем? – спросила я и глянула на потолочную грязь. Кто-то ловкий умудрился оставить след сапога на побелке.

Плюгавый плюнул себе под ноги.

– Будто ты, ей-ей, не знаешь, – огрызнулся он. – Последний рубеж перед вашим, будь он трижды сожжен, лесом!

В голове стало гулко, как в улье, мысли хаотично понеслись в разные стороны. Нашим лесом? Нашим – значит, эльфийским? Сердце чуть не выпрыгнуло из груди от волнения. Стараясь не выдавать возбуждения, я подняла подбородок и выпрямила спину.

– Знаю, – проговорила я сдержанно. – Хотела, чтоб сам признал.

Проквас обиженно завизжал и прыгнул обратно к Старейшине. Тот погладил его по голове, как ручного волка и указал назад. Коротышка шмыгнул за спину, его щека прижалась к подолу тощего, он довольно выглянул из-за ног.

Брови Старейшины сдвинулись, по центру лба пролегла глубокая морщина. Так он возвышался, казалось, вечность. У меня уже спина устала стоять по струнке.

Наконец, тощий снисходительно улыбнулся. Щеки втянулись, он стал еще больше похож на скелет, я поежилась, но взгляд выдержала. Зеленая стекляшка под его одеяниями сверкнула, ее стало видно даже сквозь ткань. Я сделала вид, что не заметила, хотя во рту пересохло.

– Дерзкая желтоглазая, – спокойно проговорил Старейшина. – Продолжай в том же духе. Хотел пожалеть тебя, да, видно, поспешил с выводами. Ты не похожа на эльфов, которых видел прежде. Даже закралась мысль, что можно было бы... Хм, не важно.

Он выдержал многозначительную паузу и довольно облизнулся.

– Знай, блудница, – продолжил он, – тебя вытащат на площадь и будут пытать каленым железом. Надеюсь, будешь вопить и корчиться в нестерпимых муках. А когда обессилишь – лично отсеку тебе уши и повешу на шею в качестве трофея. Потом тебя разрежут на кусочки и скормят собакам.

С этими словами он резко развернулся, мантия всколыхнулась и пошла крупными волнами. Тощий затопал по ступенькам и скрылся в проходе в сопровождении прихвостня.

Я обессилено опустилась на колени и уронила голову. Демонстрировать смелость совсем не то, что ее испытывать. Связанные за спиной руки свело от напряжения, плечи бо-

лят, словно меня вместо мулов запрягали.

– Он отрежет мне уши... – прошептала я.

Сердце ударилось о грудную клетку и зашло в бешеном ритме, когда представила, как меня волокут на середину площади, привязывают к столбу и безжалостно прижигают каленым железом. Народ вокруг довольно улюлюкает, требует, чтобы жертва вопила диким голосом.

И не каленого было бы достаточно. От одной мысли об ализариновом металле кожа покрывается мурашками размером с горошину.

Из глаз потекло горячее. Мокрая дорожка проползла по носу и повисла тяжелой каплей на кончике. Я горько всхлипнула и вытерлась о плечо, оставив на коже грязные разводы от пыли.

Несколько минут я просто сидела и редела, как самое ничемное существо в мире. Потом, видимо, влага кончилась, осталось только шмыганье носом. В конце концов, это тоже надоело. В районе солнечного сплетения вспыхнуло и в порыве гнева я ударила коленкой пол. В стороны разлетелись мелкие комочки глины.

– Сбегу, – произнесла я твердо.

Внимательно оглядев камеру, поняла – самостоятельно выбраться из-за железной решетки не получится. Даже ключ не смогу взять – наверняка ализариновый. Разве что выломать ненавистные прутья чем-то тяжелым...

Скрипнула лестница, я подняла голову и откинула со лба

грязную прядь. На ступеньке стоит та же девочка с золотыми косичками и прижимает к груди тряпичную куклу.

Я замерла. В первый раз детеныша напугал даже звук моего голоса.

Девочка спустилась на пол и осторожно подошла к решетке. Только сейчас заметила ее неестественную худобу. Щеки впали, скулы острые. Из широкого выреза торчат ключицы, такие тонкие, что даже я переломлю одним пальцем. На ножках-палочках безразмерные кожаные сапоги. Только огромные живые глаза наблюдают с неприкрытым интересом.

Девочка поежилась и сильнее сжала куклу.

– Мама говорит ты эльф, – проговорила она тонким голоском.

Малышка решила подойти еще ближе. Переминается с ноги на ногу, робко жметесь, и все ближе подбирается к решетке. Я сотню раз пожалела, что связаны руки. Не побоялась бы ализариновой дряни. Обожглась бы, но шанс выбраться этого стоит.

На всякий случай, я потянула локти в сторону, но сухие веревки сильнее врезались в кожу. Досадно выдохнув, я проворковала, стараясь быть ласковой, насколько умею:

– Наверное, твоя мама права. Что еще она говорит?

Девочка опустила глаза и проговорила тихо:

– Что вы ненавидите людей. Если не буду слушаться, то придут злые эльфы, утащат в свое логово и заживо съедят.

Она замерла. Я задумалась – сама только что окольными

путями выяснила, какое имею отношение к эльфам. Откуда мне знать, злые мы или нет, и как поступаем с человеческими детьми. Мой маленький опыт подсказывает, что к людям вряд ли питаем глубокую привязанность.

– А ты слушаешься? – спросила я

Она неуверенно кивнула, я продолжила:

– Тогда тебе нечего бояться.

Я решила выведать о своем народе, пока она не поняла, что слишком много болтает. Взрослые агрессивны, а этот золотой одуванчик даже милый. Ресницы пушистые, глаза блестят. Если бы не широкий подбородок и короткие уши – могла бы за эльфенка сойти.

Приподняв затекшее колено, я спросила:

– Значит, в лесу живут эльфы?

Девочка задумчиво накрутила косичку на палец и чуть подалась вперед, пристально разглядывая меня.

– Да, – ответила малышка. – В лесу живут эльфы с длинными, как у тебя, ушами и красивыми лицами. Но это обман, на самом деле они нападают на деревни и забирают самых сильных.

Девочка нахмурилась, в совсем не детском взгляде немой укор и неприкрытая обида. Даже немного совестно стало – дети самые беззащитные у всех живых существ.

Я тряхнула головой, выбрасывая остатки сочувствия, и попыталась сложить четкую картинку. Из слов детеныша выходит, что я лесной монстр с милым личиком. Про личико

даже старейшина упоминал. Краду детей и ем на обед.

Представила, как жарю на костре крошечное тельце, отрезаю кусок и кладу в рот. От омерзения передернуло.

Девочка, осмелела еще больше.

– Мама однажды видела, как отряд эльфов напал на деревню, – проговорила малышка. – Она рассказывала, что лесные демоны налетели, как ураган, поймали брата и еще несколько человек. Посадили на единорогов, которые скачут, быстрее ветра, и скрылись с ними в лесу.

Девочка замолчала, откровенно разглядывая мои уши. Я почти физически ощутила, как взгляд ползает по острым кончикам и дернулась от раздражения – чувствую себя товаром на прилавке.

Девочка вздрогнула и отскочила назад. Я поспешила ее успокоить, боясь потерять единственного собеседника и информатора в одном лице.

– Пожалуйста, не бойся, – заверила я. – Ты в безопасности. Видишь, какие толстые решетки?

Малышка смерила недоверчивым взглядом прутья, через несколько секунд ее плечи снова расслабились. Но больше приближаться не стала.

– Ты знаешь, где хранится ключ от клетки? – спросила я ласково.

Глаза девочки выпучились, пальцы крепче вцепились в куклу, она затаила дыхание.

Я торопливо проговорила:

– Если поможешь, обещаю, тебя никогда не украдут эльфы.

Про себя поежилась – соврала ребенку и даже глазом не моргнула. С другой стороны – на войне, как на войне. Они ведь притащили меня, безоружную и растрепанную, посадили в клетку и готовят к позорной казни.

Девочка нахмурила лоб, губы надулись. Несколько секунд натужно сопела, наконец, шумно выдохнула.

– Ключ у главного сторожа, – проговорила она тихо, но четко. – Он носит его на поясе и никогда с ним не расстается.

– Тьфу ты пропасть... – прошептала я.

Но девочка услышала и все же отшагнула к лестнице.

– Ты серая, – сказала она вдумчиво.

– Гм.

– Раньше серых не было, – продолжила она. – Только белые, как стены в амбаре.

Я покосилась на нее и сказала, больше для виду потому, что уже поняла – выбраться отсюда без ее помощи не выйдет:

– Может в честь этого, окажешь услугу?

Девочка вытаращилась еще сильнее. Пока она хлопала ресницами, я быстро соображала, согласится ли принести ключ, если ее очень сильно попросить. Даже если получится выбраться из подвала, окажусь в середине деревни у всех на виду. Будет всего несколько секунд, чтобы добежать до поля, пока фермеры схватятся за оружие. Хотя я, определенно, быстрее их.

Вполне достойный шанс.

Я набрала побольше воздуха и подготовилась к длинной проникновенной речи.

– Малявочка, милая... – начала я.

Сверху донеслось громкое ржание, грохот копыт, раздались испуганные крики и звон металла. Из двери потянуло сквозняком, я приняухалась – легкий терпковатый запах похож на смесь дерева и гвоздики.

Шум с улицы усилился. Вопли людей утонули в конском топоте и металлическом лязге.

Глава 3

Девочка с ужасом замерла перед клеткой, боясь шевельнуться. Маленькие ручки вцепились в куклу так, что побелели костяшки, глаза выпучились и не мигают.

– Мама! – сдавленно пискнула она.

Малышка метнулась к лестнице, но у самых ступенек остановилась, перепугано уставившись в проход. Потом отступила на несколько шагов и затравленно оглянулась на меня.

Грохот наверху усилился на столько, что в ушах зазвенело.

Я хаотично воображала, что говорить перепуганному ребенку. Обоняние рисует дикие картины. В голове мелькают образы, вижу, как фермеры падают под блестящими копытами, женщины прячутся в домах, набегу хватая детей. Наздники яркие и непонятные.

Девочка затряслась, как осиновый лист, голубые глаза заблестели от влаги. Она всхлипнула и метнулась к куче мешков в углу. Дрожащими руками проделала небольшое отверстие и протиснулась внутрь. Затем подтащила мешок с пола и заткнула проход. Теперь куча выглядит вполне естественно.

Я завистливо посмотрела на неприметную кучу – малышка нашла укрытие, а у меня в распоряжении лишь голые стены, земляной пол и смертоносная решетка.

Стянутые за спиной руки онемели на столько, что со-

всем перестала их ощущать. Безысходность накатила тяжелой волной и парализовала. Даже встать сил нет.

Я уронила голову и замерла в ожидании неизбежного.

Грохот раздался у самой двери, за ним последовал лязг металла и сдавленный крик. Я невольно повернулась, ожидая увидеть виновников заварухи. Напасть на фермеров могут только совсем отъявленные разбойники.

Воображение успело нарисовать суровых косматых людей, в звериных шкурах, с гигантскими топорами в руках, которыми они рассекают людей, а за сражением, сидя на черной лошади, наблюдает предводитель – угрюмый, с клыками размером с ладонь. Борода свисает до самого живота, а из-под широких бровей блестят злые глаза...

На порожек ступила нога в высоком сапоге с витиеватыми узорами. Стройная фигура, не касаясь ступеней, пронеслась над лестницей и приземлилась на одно колено.

Внутри меня все взорвалось, сердце бешено заколотилось, точно выскочит из груди, если так и останусь сидеть. Дыхание, как у птички, даже связанные руки задрожали.

– Эльф... – прошептала я. – Эльф во плоти... Какой белый.

Он выпрямился и быстро огляделся.

От высокой фигуры веет уверенностью и величием, грудь и плечи покрыты ослепительным металлом. Сверкающие мечи зажаты в ладонях, с лезвий срываются багровые капли и впитываются в пол. На лбу узкое кольцо с синим камнем в

середине, длинные волосы настолько белые, еще чуть-чуть и засветятся в полутьме подвала. Из этой копны торчат остроконечные уши, кончики нервно подергиваются.

У меня язык прилип к небу. Хотела крикнуть, но голос пропал, в глотке сжался тугой комок. Я покосилась на решетку – ализариновые потоки от нее превратились в настоящие реки, ползут по темнице, словно змеи, накрывают слабостью и дурнотой.

Нос защекотало терпким запахом вперемешку с железным дымом. Воин расширил глаза, взгляд слепо блуждает по комнате и периодически останавливаясь на крупных предметах. Даже чуть остановился на куче с мешками, где, не помня себя от ужаса, трясется девочка. Чую, как запах страха поднимается из узких щелей между мешками.

Его взгляд переполз на железную решетку, глаза сощурились. Я поняла – он и правда не видит.

Внутри все сжалось, я снова попыталась крикнуть, но получилось лишь проплямкать губами. Оцепенение усилилось, тело потяжелело, меня против воли стало прижимать к полу, захотелось уткнуться лицом в сырую глину и забыться.

Воин отвернулся, согнул колени, готовясь к мощному прыжку, и бросил контрольный взгляд на мою камеру. Брови взлетели на лоб. Синие, как глубокое море глаза, изумленно расширились. Он развернулся на месте и всплеснул руками, едва не задев мечами кувшины на полке.

– Святые эльфы... Кто вы, миледи? – затараторил он, под-

скочив к решетке. – Как здесь оказались?

Белокожий с открытым ртом разглядывает меня. Хотела спросить, не издевается ли он на счет миледи, но голоса все еще нет.

С великим трудом я поднялась с колен, чтобы не выглядеть совсем уж жалкой и, преодолевая головокружение, выпрямилась во весь рост.

Перед оторопевшим эльфом открылась моя грязная, поцарапанная и мало одетая фигура. Ноги до самых колен покрыты подвальной пылью, на животе след от помидора – один из снарядов все-таки достиг цели. Волосы превратились в сплошную паклю и свесились грязной сосулькой до пояса. Не так я представляла знакомство с представителями своего народа.

Эльф проморгался, приходя в себя, и сказал с жаром:

– Как этим обезьянам удалось поймать эльфийку? Я немедленно вызволю вас из позорного плена, миледи.

Я похлопала ресницами и перевела взгляд на прутья. Ализариновые потоки слились в сплошное полотно и колышутся в воздухе, как утренний туман, наводя на меня слабость.

Одурманенный ум соображает медленно, но я все-таки успела заметить, что белокожий словно не обращает внимания на железо. Будто его вообще тут нет.

Он окинул озабоченным взглядом решетку и пробормотал что-то неразборчиво. Я понимающе закивала – края прутьев закреплены в стене, а даже если нет – руками расшатать

не получится.

Белокожий сдвинул брови и потер подбородок. Несколько секунд разглядывал камеру, затем раздраженно фыркнул, словно не привык проигрывать.

Он успокаивающе вскинул ладони и попятился.

– Можете не беспокоиться. Я все устрою, – сказал он и, метнувшись к лестнице, скрылся в проходе.

Я не сомневалась, что белокожий вернется, уж очень обнадеживающе смотрел. На сырой глине остались едва заметные следы его сапог. Такие слабые, что даже мой зоркий глаз с трудом видит. Застыв в мучительном ожидании, я уставилась в проход.

С улицы доносятся звуки затихающего сражения, сквозняк приносит запах свежей крови и непонятных животных.

Секунды поползли медленно, словно толстые улитки, растягиваясь в такие же бесконечные минуты. Я стала считать удары сердца, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей. Но они все равно лезут в одурманенную голову, перед глазами появляются какие-то образы, чужие лица, незнакомые места.

Я потрясла головой, уши приподнялись и зашевелились. В куче мешков раздался едва различимый шорох, из маленькой щели показалась золотистая головка с перепуганными глазами. Девочка с перекошенным от ужаса лицом уставилась на меня. Я успела понять, что общаться с человеческими детьми не очень умею. Чтобы не напугать в очередной раз, решила молчать.

Сверху донеслись жалобные всхлипы и грубые глосса. Малышка замерла, шумно вдыхая воздух, и нелепо вытянула руки. На тоненькой шее пульсирует синяя жилка, зрачки расширились. Слышу, как трепещет детское сердце, теперь больше похожее на мышинное.

У входа послышался топот, девочка молниеносно юркнула в незатейливое убежище и прикрылась мешком. Донесся сдавленный чих – не удивительно, подвальная пыль даже мне нос свербит.

В подвал влетел синеглазый эльф, за ним в дверь попыталось протиснуться огромное каменное существо, но проход для него оказался слишком узким. Существо секунду пялилось на дверь, затем шагнуло на лестницу. Раздался сухой треск, со стен посыпалась известь и глина, заполняя подвал клубами серой пыли.

Белокожий закашлялся, отскакивая в сторону, а каменный монстр с невозмутимой рожей пролез внутрь. Ступеньки под ним жалобно скрипнули, существо спустилось и выжидательно остановилось у стены.

Я замерла в середине камеры, всем видом показывая, какая я послушная и беззащитная. Синеглазый тарасит глаза, щурится – ему точно не хватает ночного зрения.

Он осторожно шагнул к решетке и поправил обруч на лбу.
– Миледи, вам лучше отойти, – проговорил синеглазый. – Голлем лишен чувства меры. Не хочу вас ранить.

Я молча отошла в дальний угол, когда спина коснулась

стены, крепко прижалась, не обращая внимания на стянутые руки.

– Дергай! Живее! – скомандовал белокожий.

Каменный монстр приблизился к решетке, оставляя в полу глубокие следы. Он ухватился огромными руками за прутья и рванул в сторону. Решетка жалобно заскрипела и прогнулась под грубым натиском. Боковые штыри зашатались, но остались в стене.

Голлем снова дернул, на этот раз сильнее, железо оглушительно простонало, штыри медленно поползли наружу. Из дыр посыпалась пыль и каменная крошка, я закашлялась.

Существо с ревом потянуло на себя, остатки окаменевшей глины треснули и посыпались крупными кусками на пол. Голлем с хрустом выдрал решетку, затем поднял над головой и несколько мгновений так стоял. Лишь когда белокожий что-то скомандовал, он швырнул ее на кучу мешков. Металл глухо ухнул, с протяжным шуршанием решетка сползла на глину, стягивая следом полупустой мешок.

Я застыла с вытянутыми ушами, в глубине свала тихо всхлипнуло. Но белокожий, кажется, не заметил. Он убрал один меч в ножны и приблизился.

– Миледи, вы свободны, – проговорил он, протягивая ладонь. – Позвольте проводить вас в безопасное место.

Я неловко поежилась и указала на связанные руки. Эльф выдохнул, краснея:

– О, прошу меня простить. В темноте плохо вижу.

Он одним взмахом рассек веревки. В пальцы хлынула кровь, онемевшие ладони приятно закололо. Я выдохнула и попыталась благодарно улыбнуться. Наверное, получилось не очень, потому что лицо эльфа осталось неизменным.

Повисла короткая пауза. Прислушалась – девочка перестала трястись и съежилась в комок. Белокожий слегка отступил назад и приложил кулак к груди.

– Меня зовут Лисгард, – представился он. – Я пришел с рейдовым отрядом. Но кто вы, прекрасная незнакомка, и как оказались в плену у людей?

Я хмыкнула, представив, какая сейчас из меня незнакомка, да еще и прекрасная. Грязная, босая, со свалывшимися волосами.

– Это хороший вопрос, – наконец проговорила я хриплым от ализарина голосом.

Синеглазый непонимающе дернул ушами, острые кончики сверкнули в темноте, как крошечные молнии. В ночном зрении выглядит особенно красиво.

Я похлопала ресницами, ожидая, что он снова заговорит, но белокожий молча шурился, словно пытался что-то во мне высмотреть.

В конце концов, я не выдержала и пояснила:

– Не помню имени.

– Чьего? – снова не понял он.

– Своего.

Лисгард сверкнул глазами и шарахнулся, как от прока-

женной.

– Они с вами что-то сделали? – выпалил он изумленно. – Мы сотрем эту деревню в пыль! Найдем другую ферму для рейдов. Никто не смеет издеваться над эльфами!

Особо теплых чувств к фермерам я не испытывала. Тем более, после того, как закидали меня тухлятиной и грозили жуткой расправой с отрезанием ушей.

Я немного помолчала, искоса поглядывая на белокожего. Тот аж светится от возмущения. Простояв в тишине несколько секунд, поняла, что остывать он не намерен.

Я осторожно проговорила:

– Нет, они ничего не сделали.

– Точно?

– Да, – подтвердила я. – Только пригрозили.

Белокожий выдохнул и проговорил:

– Значит, я во время успел.

– Если бы чуть позже, – сказала я, прочищая голос, – мои уши болтались бы на шее Старейшины.

Лицо Лисгарда снова вспыхнуло, серебристое лезвие меча опасно качнулось, блеснув в темноте подвала, словно само светится. Показалось, даже зазвенело.

– Они угрожали вам? – выдавил белокожий сквозь зубы. – Угрожать одному эльфу – все равно, что угрожать всему эльфийскому роду!

– Что это значит? – осторожно поинтересовалась я.

Он ответил горячо:

– Нужно разобраться!

Я даже отстранилась, от белокожего повеяло праведным гневом. Глаза расширились, скулы заострились, словно у мертвеца, он скрипнул зубами. Вкинув мечи, Лисгард развернулся на месте и направился к выходу.

Весь его вид говорит о том, что сейчас устроит настоящую резню. Деревня зальется лужами крови, трупы детей и женщин в неестественных позах, отрубленные части тела, беспорядочно разбросанные по земле...

– Нет! – выпалила я в ужасе и зажала рот, понимая, как странно это прозвучало.

Белокожий замер и вопросительно посмотрел через плечо.

– Миледи? – сказал он и непонимающе прищурился.

Пока уши горячели от стыда, я мысленно себя ругала – он же освободил из плена, предлагает справедливую месть, а я, вроде как, не довольна.

Я едва заметно повернула голову и шевельнула левым ухом, чувствительный слух уловил слабое дыхание девочки, даже с такого расстояния слышу, как колотится ее сердце.

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Чтобы как-то его ослабить, я выбралась из камеры, обойдя истукана, и подошла к белокожему.

Воин молчит и неотрывно следит за каждым движением. Взгляд строгий, непонимающий, но без враждебности.

В голове зашумело, к горлу подступил комок, будто жа-

бу проглотила. Я быстро оглядела себя и сокрушенно опустила голову – выгляжу жалко перед высокородным эльфом. Немытая, полуголая, с длинной паклей на голове и ободранными плечами. Хотя белокожий деликатен и учтив, словно специально не замечает моего непотребного вида.

Я сделала глубокий вдох и выдала все, как на духу. Рассказала, как очнулась под палящим солнцем, как лечила кожу чудодейственно травой. Про то, как попала в плен к людям, полагая, что смогу найти помощь.

Лисгард внимательно слушал, пока в красках рассказывала о незатейливых приключениях. Когда закончила, он задумался на несколько секунд.

Я ждала его ответа, как приговора. Белокожий смотрел куда-то вниз. Глаза такие, словно не в подвале людской деревни стоит, а где-то в заоблачных далях созерцает великое.

Наконец, он поднял голову, затем сделал шаг ко мне и внимательно взгляделся в лицо. Взгляд на мгновение остановился на ушах, потом он отступил к лестнице и сдвинул брови.

– Думал, показалось, – смутился он. – Ваша кожа...

– Серая, – закончила я.

Снова повисло звенящее молчание, такое густое, что голова тяжелеет. Синеглазый нахмурился и задумчиво потер пальцами подбородок. Послышалось тихое сухое шуршание, похожее на шелест листьев. Затем он выпрямился, подняв голову, в глазах блеснула решительность.

– Миледи, я уверен, мы сможем все выяснить, – поговорил он. – Следуйте за мной, обещаю вам личную защиту и безопасность.

Белокожий протянул ладонь и выжидательно замер, тараща синие глаза в темноте.

Я насторожилась, уши дернулись и выпрямились столбиками.

– Куда это? – спросила я вкрадчиво.

– Туда, где вас никто не посадит в клетку, – сказал Лисгард.

Он чуть наклонил голову и указал на ладонь, которую все еще держит вытянутой.

Я поспешно схватилась, поскольку с придворным этикетом плохо знакома, во всяком случае я его не помню. Пальцы Лисгарда оказались прохладными и мягкими, как шелк. Едва сдержалась, чтобы не спросить, почему от постоянных тренировок у него на руках нет грубых мозолей. Но тут же решила, они только на людских лапах появляются. У тех и лица похожи на печеные яблоки, и руки – вообще деревянные лопаты.

От высокородного веет уверенностью и силой. Видно – привык отдавать приказы и получать все по первому требованию. У такого и отряд должен быть, и целый сарафан слуг.

Белокожий осторожно, но крепко сжал ладонь и быстро повел к выходу.

С улицы тянет горячим воздухом, человеческая вонь пе-

ремешалась с чем-то терпким. Покосившись на синеглазого, я потянула воздух и ноздри защекотало уже знакомым древесным запахом вперемешку с чем-то сладковатым и гвоздичным. Наконец, дошло – это общий запах высокородных.

Звуки борьбы почти стихли, слышны лишь резкие приказы и топот копыт.

Лисгард спросил на ходу:

– Здесь больше никого нет?

Я украдкой глянула на кучу мешков. Запах девочки перемешался с сыростью и вонью старой картошки. Даже я с трудом отличила его в замысловатом коктейле. На судьбу человеческого ребенка, в целом, плевать. Не мое дело – куда ей идти и где прятаться.

Белокожий оглянулся и вопросительно посмотрел в глаза.

Девочка вырастет, будет ненавидеть эльфов, как ее родители. Станет рассказывать своим детям, как войска лесных демонов опустошали деревни, уводили в плен людей. Поселит в маленьких сердцах ненависть и ужас перед эльфийским народом. Или же запомнит, что однажды плененная эльфийка ее не выдала.

Я подняла голову и честно взглянула на Лисгарда.

– Нет. Здесь больше никого нет, – сказала я.

Белокожий удовлетворенно выдохнул и потащил меня наверх.

– Голлем! Отправляйся к остальным! – крикнул он.

Мы выбежали наружу, дневной свет опять ослепил, из

глаз потекли слезы, пришлось их быстро вытирать, чтобы никто не заметил.

Я прищурилась и быстро-быстро заморгала. Через секунду зрение вернулось, и я увидела странную картину.

На площади толпится группка юнцов, рубахи распахнуты, на лицах ужас. Руки закованы в кандалы, цепи соединяют пленников между собой и придавливают к земле. Похожи на праздничные гирлянды, только из-за женских воплей праздником тут не пахнет. Эльфы вытаскивают пареньков из домов и бесцеремонно тащат по лестницам. Те бессильно дрыгают ногами и вопят, как бабы.

– Что происходит? – спросила я осторожно.

Белоснежные волосы воина картинно развеваются на ветру, острый подбородок торчит вперед. Даже засмотрелась – красивый до неприличия.

Он сказал с достоинством:

– Дежурный рейд по человеческим деревням.

Я замедлила шаг. Белокожему тоже пришлось притормозить – все еще держит мою ладонь. Он серьезно посмотрел в глаза и нахмурился.

Мне остается только надувать губы и хлопать ресницами, всем видом показывая – я вообще не знаю, что тут у вас и как.

– Традиция, – пояснил он смягчаясь. – Периодически мы совершаем вылазки на поселения и забираем подросший молодой.

– Но зачем? – изумилась я.

Высокородный терпеливо продолжил:

– В Черных рудниках гномы добывают адамантин. Это звездный металл, из которого мы делаем оружие и доспехи. По древнему договору они обязуются снабжать эльфов звездным металлом, в обмен на людей. Черные рудники – суровое место, а гномы не гнушаются дешевой рабочей силой.

Я сделала вид, что поняла, кивнула для убедительности.

Гномы, рудники, звездный металл. Голова пошла кругом, пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы как-то утрамбовать новое.

Лисгард сложил пальцы и свистнул. Откуда-то донеслось дикое ржание, земля затряслась от гулкого топота. Через секунду из-за сарая выбежал белый конь с блестящим рогом на лбу. Гарцуя, он подскакал и остановился прямо перед нами. Сияющая грива свисает почти до земли, глаза – как рубины, из ноздрей пар.

– Что это? – проговорила я зачарованно.

Эльф подошел к зверю и тихонько хлопнул по белому боку.

– Арум. Боевой товарищ.

Он провел рукой по короткой шерсти, зверь выгнул шею и преданно посмотрел на эльфа.

– Миледи, позвольте, помогу сесть верхом, – предложил Лисгард.

Я с сомнением посмотрела на сцепленные замком пальцы

под брюхом Арума. Тот искоса поглядывает на меня красным глазом.

Подняв подбородок, я сделала вид, что совсем не страшно, вот нисколечко. Это всего лишь рогатая лошадь, а лошадей бояться – пешком ходить.

Уперевшись босой ногой в ладони Лисгарда, я взлетела на зверя. Хотя вполне могу обойтись без помощи.

Короткая юбка задралась, неприлично обнажая бедра. Попыталась оттянуть края вниз – не вышло, только ткань перекосилась. Несколько секунд я возилась с краями, но юбка только перекашивалась, и совсем не соглашалась прикрывать ноги. В конце концов, махнула рукой. Пускай смотрит, ноги у меня красивые.

За спиной послышалось легкое шуршание. Обернулась – белокожий уже сидит за спиной. Он деликатно отодвинул меня, делая вид, что не заметил голых ног. Прядь гривы оказалась у него в ладони.

Белокожий что-то процокал языком, Арум заржал и резко развернулся. Через несколько мгновений отряд белокожих остался позади.

Глава 4

Мы неслись сквозь лес, виртуозно огибая тоненькие деревья. Я даже не пыталась понять, как Арум успевает обходить, если налетит – переломит, как соломинку.

Через некоторое время выскочили на хорошо утоптанную тропу. Когда лес стал плотнее, белокожий потянул за гриву, единорог мотнул головой и пошел шагом. Тот изредка косится красным глазом на хозяина – зверь не понимает, почему на него двойной вес водрузили.

Я надежно устроилась в объятиях белокожего и прикрыла глаза. В голове предательски пусто. Как ни силюсь, память молчит, словно эльф на допросе.

В районе солнечного сплетения не вовремя засвербело ощущение глубокой потери. Захотелось вспомнить хотя бы рожу того, кто бросил меня в пустыне. Я напряглась, локти задрожали, Лисгард заметил, но промолчал, только поерзал немного. В голове моей осталась все такая же девственная чистота, как и в момент пробуждения. Досадно выдохнув, я покачала головой.

За спиной слышно легкое дыхание. Глянула через плечо – синие глаза смотрят прямо, подбородок вздернут, волосы легонько колышутся. На лице непробиваемая одухотворенность.

Лисгард свесился с единорога, его пальцы на ходу сорва-

ли ветку с ягодами, и он протянул мне. Я молча покачала головой – помню их гадкий привкус.

Белокожий поднес ладонь ко рту.

– Вас, вероятно, интересует, куда мы едем, – предположил белокожий.

Теплые бока Арума ритмично трутся о ноги. Я тяжело вдохнула – пора приходиться в себя. Лесной воздух, пропитан запахом листвы и перегноя, такой густой, даже привкус чувствую. Самое время успокоиться и наладить контакт.

Интересует... Меня много что интересует. Например, как вернуть память. И какая тварь хотела убить. Дайте только добраться до этого мерзавца – собственными руками задущу. Нет, отрублю голову, чтоб наверняка.

Белокожий одним движением отправил ягоды в рот и проглотил, кажется, не жуя. На лице появилась удовлетворенная улыбка, он довольно причмокнул.

Справа зажужжало. Пришлось податься вперед, чтобы уклониться от жука, чей сверкающий панцирь с тяжелым жужжанием пронесся над ухом и скрылся в деревьях.

– Очень интересует, – призналась я через плечо.

Высокородный зачем-то прочистил горло, послышалось шуршание доспехов. По шевелению за спиной я ощутила, как он выпрямился, дыхание участилось, наверное, одухотворенность распирает.

Лисгард поерзал позади, несколько мгновений молчал, затем пришпорил единорога. Меня подкинуло несколько раз

и прижало к широкой груди белокожего эльфа, прежде, чем смогла приноровиться к быстрой рыси. Зверь недовольно покосился на меня рубиновым оком, показалось, даже губами пошлепал. Я извиняющееся улыбнулась в ответ и пожала плечами.

– Миледи, мы направляемся в Эолум, – проговорил высокогородный величественно.

Я обернулась и вопросительно глянула на него, немного смутившись от короткого расстояния между нами.

– Это что-то известное? – спросила я.

Глаза Лисгарда округлились.

– Вообще-то, да, – ответил он.

– Не надо на меня так смотреть, – пробурчала я. – Я память потеряла. Может раньше помнила про твой Эолум. А теперь не помню.

Лисгард подождал еще пару мгновений, затем горестно вздохнул.

– Миледи, Эолум – древний город солнечных эльфов в глубине Светлолесья, – проговорил он с расстановкой. – Попасть в него можно лишь пройдя через Незримые врата.

– Ага, ясно, – отозвалась я, кивнув.

Эльф бросил подозрительный взгляд, но сделал вид, что не заметил издевки.

Копыта единорога размеренно стучат по утоптанной тропе, зеленые ветки нависли над самой головой. Поначалу я порывалась наклоняться, чтобы не задеть, но те сами подни-

маются и пропускают вперед.

Покосившись на ветки, я потеряла кончик уха и заметила:

– Ощущение, что деревья нас пропускают.

Лисгард хмыкнул, перебирая пальцами локон единорога.

– Солнечные эльфы и Светлолесье – единый организм, – важно сообщил высокородный. – Наши судьбы связаны с тех пор, как выросло первое дерево. Мы чувствуем лес, а он нас. Люди сюда не ходят. Знают – мы наблюдаем. Стоит чужаку оказаться на нашей территории – это станет известно каждому эльфу Эолума.

Я зябко повела плечами и спросила настороженно:

– Значит, в Эолуме уже знают о нашем приближении?

Лисгард покачал головой.

– Только о вашем, и то очень смутно. Из-за Арума. Единороги подавляют магические потоки. Друг за другом следить не можем. Это похоже на... – эльф помедлил, подбирая слова, – на боль. Не чувствуешь, пока в ногу стрела не воткнется.

Я облегченно выдохнула и расслабила плечи. От постоянного напряжения шея и спина затекли. Но дышать стало легче, особенно после того, как покинула людскую деревню.

Сдвинув лопатки, я попыталась размяться, сзади послышалось предупредительное покашливание. Пришлось снова неподвижно застыть, шевеля лишь бедрами в такт движения единорога.

Деревья пошли гуще, кроны переплелись где-то вверху,

свет еле пробивается сквозь зеленую крышу. Тропа исчезла. Арум шагает по пояс в траве, хватая зубами сочные стебли, и косится назад красным глазом.

В зарослях послышалось дивное пение. Я даже приподнялась на спине единорога, прислушиваясь к голосу. Будто не птица, а серебряные струны играют.

Снова послышалось покашливание Лисгарда, в этот раз хрипловатое и смущенное. Растерявшись, я опустила взгляд, и поняла, в таком положении мои ноги оголяются настолько, что подъехавшая вверх юбка демонстрирует еще и верхнюю часть бедер сзади. Пришлось срочно сесть.

Какое-то время потребовалось провести в молчании, чтобы неоднозначная ситуация померкла. Птица продолжала петь и от звука ее голоса по телу против воли растеклось дремотное блаженство. Я немного обмякла и даже прислонилась спиной к прохладным доспехам эльфа.

– Чудесное пение, – проговорила я, прикрыв глаза. – Как хорошо и спокойно.

Лисгард чуть наклонился, осторожно заглянул в лицо.

– Хм. Пение? Хм. Это Арфолин, птица Эолума, – сказал он и сдвинул брови.

– Волшебная музыка, – проговорила я блаженно. – Как природа создает такое? Даже имя у птицы зачарованное.

Я представила, как она качается на тонкой ветке. Перья разноцветные, пушистый хохолок колыхается, пышный хвост свисает до самой земли.

Белокожий снова посмотрел на меня.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он настороженно.

В голове растекся сладкий туман, на глаза опустилась мутная поволока. Арфолин будто нарочно запел громче, остальные птицы благоговейно замолкли. Почти вижу, как втянули пернатые головы и тарашатся на чудо-птицу.

В животе потеплело, захотелось остановиться, прилечь в такую уютную и мягкую траву.

– Никогда ничего приятнее не испытывала, – протянула я. – Только спать хочется очень.

Глаза Лисгарда превратились в две круглые плоскости, лицо вытянулось. Он дернул гриву и остановил Арума. Единорог недовольно фыркнул, копыта глухо стукнули об утоптанную тропу, вспугнув в зарослях двух перепелок. Зверь сделал еще пару шагов и замер посреди травы, недобро покачивая рогом.

Белокожий бесцеремонно развернул меня к себе и вперился взглядом. Глаза полыхают, как два синих костра, лоб покрылся тонкими морщинами.

– Миледи, вас усыпляет мелодия? – проговорил он с нажимом.

Голова приятно потяжелела, перед глазами поплыли розовые единороги окутанные золотистыми огоньками. Даже уловила сладковатый запах сирени.

– Не знаю, может и не усыпляет, – промямлила я. – Приятно, нет слов. Я нарушила какой-то закон?

Высокородный побелел, хотя с его белоснежной кожей не понятно, куда сильнее, и впился пальцами мне в плечи.

– Закон? – процедил Лисгард. – Миледи, крепко же вас приложили.

Арум недовольно топчется, фыркает. На его месте я бы тоже фыркала, с таким хозяином калина покажется сладкой.

Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и проговорила вялым языком:

– Чего ты взбеленился? Птичка поет, ветер дует, трава зеленая.

Горячее дыхание Лисгарда обдало лицо.

– Слушайте, миледи, – сказал он, наклонившись так близко, что разглядела золотистые черточки в зрачках. – Для солнечных эльфов Арфолин безвреден. Но темных он усыпляет. У людей вызывает временное безумие, а остальные мучаются головной болью. Еще раз спрашиваю – вы хотите спать?

Он даже задрожал. Ноздри раздуваются, пальцы впелись так, что сейчас раздавит мне плечи. Откуда-то из глубины медленно поползла горячая волна. Она, словно змея, двинулась замысловатыми зигзагами вверх по животу, когда достигла солнечного сплетения, меня дернуло. По коже пробежали мурашки.

Я раздраженно дернула плечами, и его цепкие пальцы разжались. Горячая волна расплзлась по всему телу и сонливость быстро отступила, а легкий ветерок, спустившийся с верхушек деревьев прохладными струйками, прояснил мыс-

ли.

– Ну знаешь ли! От людей еще можно ожидать скудоумия. Но ты всех переплюнул! – прошипела я и толкнула белоухого локтем в закованную грудь. – Пусти, пешком пойду! Или не пойду. Если в Эолуме все такие ненормальные – мне нечего там делать.

Высокородный вытаращил глаза и громко сглотнул.

– М... миледи? Вы серьезно? – выдавил он.

Я попыталась отодвинуться дальше, ерзая на спине Арума. Единорог нервно захрапел и стал топтать высокую траву. Прилив гнева пришел неожиданно, в теле появилась бодрость, словно не было ализаринового плена и песен магической птицы.

Я сказала зло:

– Куда уж серьезней. Это же не тебя с утра пытаются поджарить на солнце, ошпарить железом и разрезать на куски.

– Вы забываетесь, – грозно произнес высокородный.

От этих слов волна гнева во мне стала еще горячей. Я хищно прищурилась и прошипела ему в лицо:

– Мессир Лисгард, или как там нужно обращаться, определись – ты помогаешь или нет. Если нет, оставь тут и иди своей дорогой. Мне не нужны одолжения. За спасение спасибо. Но на этом все. Или я пленница?

Высокородный эльф поморгал синими, как глубокое море, глазами, пальцы снова сжались на плече, кожа отозвалась тупой болью. Я с вызовом уставилась на него и проговорила

сквозь зубы:

– Если что, мне больно.

– Эльфы терпят боль, – озадаченно произнес высокородный.

– О, да, – язвительно ответила я. – Тебе напомнить, сколько боли я вытерпела с утра?

Лисгард еще несколько секунд продавливал мне кожу, затем нехотя разжал пальцы.

– Вы точно больше не чувствуете сонливости, приятного расслабления и дурмана? – спросил он, не сводя с меня внимательных синих глаз.

Я оттопырила уши и проговорила:

– Ты издеваешься? Не чувствую я ничего. То было временное помутнение. Доволен? Хотя нет. Если влеплю тебе оплеуху, то почувствую, знаешь что? Удовольствие. Я почувствую удовольствие!

Белокожий с минуту нервно пыхтел, дергая ушами и тихо барабаня пальцами по бедру. Потом развернул меня снова лицом вперед, я облегченно выдохнула и поерзала на спине единорога.

– Разумеется, вы не пленница, – проговорил он и придвинулся ближе, а я спиной и тем, что ниже уже ею не называется ощутила тепло его доспехов. Во всяком случае, я заверила себя, что оно от доспехов.

Лисгард взял локон гривы, поклацал языком, и Арум со вздохом облегчения двинулся в самую гущу зарослей. Из

нас троих, он единственный, кому наплевать на разборки между эльфами. Главное, чтобы трава была сочной и мухи не кусали.

Едем молча. Лисгард тяжело сопит, буквально слышу, как шевелятся мысли в белокожей голове.

Арфолин сыплет переливами на разные лады, серебряные струны плавно перекачиваются под невидимыми пальцами, и звук волшебным туманом растекается по воздуху. Лес тихо шелестит, словно подпевает магической птице, а ветерок в верхушках свистит, качая ветками.

Белокожий неуверенно кашлянул в самое ухо, я нервно дернула кончиком и вытянулась.

Он немного помедлил, что-то еле слышно пробубнил под нос, затем сделал глубокий вдох и начал:

– Миледи, прошу простить меня за резкость. Дело в том, что... Гм. В Великом разломе живут темные эльфы. Мы не видели их уже пять тысяч лет. Но защиту снимать не стали. Песни Арфолина заставляют их впадать в глубокий сон. Вывести из него может только ледяное молоко. Когда вы... Вы сказали, что хотите спать... Вы понимаете, что я подумал?

Я поерзала на теплой спине Арума, гладкая шкура приятно потерлась о кожу.

– Конечно, – сказала я с напускным спокойствием. – Я темный эльф, которого послали уничтожить твой город, разнести в щепки ворота и не оставить камень на камне. Что там еще полагается темным делать?

– Всякое, – хмыкнул он.

– Посмотри на меня, – продолжила я. – У меня хоть оружие должно быть. Но где оно спрятано? На, обыщи.

Я демонстративно растопырила руки и выпрямилась, Лисгард шумно сглотнул. Покосилась назад, краем глаза увидела, как заалели кончики ушей.

Он чуть наклонился к уху и неуверенно проговорил:

– Миледи, позвольте...

В этот момент жирная сирфида налетела, как ураган и попыталась приземлиться мне на лицо. Я замахала руками и отклонилась в сторону, муха только раззадорилась и принялась кружить перед носом. Потом зависла на пару секунд и опустилась на гриву единорогу.

Я сердито посмотрела на сирфиду, мысленно пообещав прихлопнуть, если не уберется. Муха, будто поняла. Она неспешно развернулась, прозрачные крылышки затрепетали, как паутинка. Сирфида зажужжала и вальяжно улетела.

– Да какая из меня миледи? – бросила я через плечо. – Сейчас больше на лешего похожа, чем на эльфийку.

Для пушей убедительности включила волосы, пыль с них поднялась небольшим облачком и осела на белокожем. Он демонстративно прокашлялся и замолчал.

Я прислушалась – сопит и дергает ушами. Хотела сказать что-нибудь извинительное, но решила, что поздно. Пришлось выпрямить спину и делать вид, что очень занята разглядыванием местной растительности.

Так проехали около получаса. Спиной чувствую, как Лисгард усиленно пытается найти тему для разговора, у меня аж мурашки по позвоночнику бегают. Но пока не получается, и молчание нарушает только лес.

Ветерок шумит в кронах, иногда срывает ослабевшие листья и гоняет по воздуху. Арфолин поет серенаду на разные лады, похоже, их тут целая стая, или может это один и тот же перелетает с ветки на ветку.

Сквозь шум леса я уловила едва заметное плескание и механически сглотнула. Уши сами зашевелились, стараясь настроиться на правильную волну. Во рту давно пересохло, еще в деревне хотелось пить, а когда посадили в ализариную клетку, вообще поплохело.

– Надо остановиться у реки, – сказала я осипшим голосом.

Белокожий странно посмотрел на меня.

– Откуда вам известно? – спросил он.

– Что известно?

– Про реку, миледи.

– Да слышно же! – изумилась я и всплеснула руками. –

Прислушайся.

Высокородный вытянулся, корпус отклонился назад, уши встали торчком и зашевелились, как у зайца.

– Хм... Эта река слишком далеко, что бы слышать, – проговорил он настороженно.

Я раздраженно заметила:

– Или кто-то страдает тугоухостью.

– Вы на меня намекаете?

– А здесь есть еще кто-то? – поинтересовалась я.

За спиной послышалось недовольное ворчание, высоко-родный проговорил:

– У меня хороший слух. Как у всех эльфов.

Я всплеснула руками и простонала:

– Вместо того, чтобы утолять жажду, мы занимаемся пустым трепом.

Лисгард окинул меня недоверчивым взглядом, но повернул Арума и направил сквозь высокие кусты.

Единорог, как таран, с хрустом попер через заросли, топ-ча широкими копытами норы. Белоснежные зубы зверя на ходу с шелестом срывают листья, он довольно жует и кивает. Белокожий молчит и не понятно, о чем думает.

Спустя еще полчаса мы вышли к невысокому обрыву. Река плавно журчит, поток изгибается в излучинах, собираясь пушистой пеной на валунах. По краям разрослась осока. Деревья опускают ветки к самой воде, тихо шлепая листьями. Частое кваканье доносится откуда-то из запруд.

Жабы умные – специально попрятались в зарослях, чтоб цапли не нашли. Зато мелкая мошкара роится над самой серединой реки. Тоже разумный выбор, там свободно от кувшинок и лягушки не достают.

Я привстала на единороге и сказала:

– Дай мне слезть.

Лисгард спешился, помог мне опуститься на землю, хотя

все больше убеждаюсь, что это лишнее.

Я одернула юбку, немного потопталась в траве, мягкие стебли приятно защекотали стопы. Затем подошла к склону и сползла к воде. На песчаном берегу тонкая серебристая кромка, от нее пахнет елками и магией.

Шагнув вперед, я опустилась на колени. Из воды на меня глянуло правильное личико с желтыми глазами, темными чувственными губами и аккуратным носиком.

Когда опустила пальцы в воду, по поверхности пошла мелкая рябь. Секунду я наслаждалась приятной прохладой, затем несколько раз зачерпнула и проглотила. Свежесть стремительно растеклась по внутренностям и буквально опьянила. Я закрыла глаза и простояла так, наверное, минуту. Вокруг благодать, прохлада, чистый, даже сладкий воздух, рядом мерно журчит, деревья шелестят.

– Мать небесная, – прошептала я. – Как хорошо.

Сзади послышалось гроыхание, обернулась – Лисгард с красными, как спелая земляника ушами пялится на мою спину и нелепо елозит ладонями по доспехам, делает вид, что отряхивает. Обрыв скрывает половину моего туловища, иначе неизвестно, на что еще пришлось бы смотреть высокородному.

Он заметил, что я наблюдаю и перестал шуршать, голос высокородного прозвучал хрипло.

– Я буду здесь... не далеко.

Он погладил Арума по блестящему боку и поспешно

скрылся в зарослях.

Глава 5

Меня ситуация тоже немного смутила. Чтобы поскорее избиваться от непонятных ощущений я выпрямилась и осторожно шагнула вперед, ногу щекотнуло мокрой прохладой. Голова сразу стала легкой, мысли потекли плавно и просто. Стремясь еще больше расслабиться, я вслушалась в звуки природы. Вот мимо прожужжала муха, из запруды донеслось хлюпанье и довольный квак.

Попыталась снова вспомнить хоть что-нибудь из своей жизни, может бестолковый рой мыслей, наконец, выстроится в упорядоченные ряды. Подождала секунду – ничего.

Слева за выступом раздался всплеск. Я настороженно подняла уши и отступила на песок. Тихое хлюпанье незаметно вплетается в общий шелест леса, если бы не странная прерывистость – не обратила бы внимания.

Подкравшись к выступу, я выглянула из-за валуна. Река изгибается широкой излучиной, кое-где видны небольшие завихрения. Выглядят вполне безобидно, но это только на первый взгляд. Если попасть в такой бурунчик – утянет под воду, протащит по самому дну и выкинет где-нибудь внизу течения.

Чтобы выбраться на крохотный пляж, пришлось отодвинуть нависающие над водой ветки. Песок под ногами белесый и настолько мелкий, что похож на пыль.

Всплески повторились, я вгляделась в воду. Ближе к середине реки вода пузырится, периодически мелькает седая макушка.

Я отступила назад – не моё дело, тонет, значит, сам виноват. Зачем лезть в воду, если не умеешь плавать. Тем более, в середине излучины просто так не оказываются.

Чего он даже руками не гребет? Только головой сверкает.

Злясь на себя за мягкосердечность, я подбежала к воде, обхватила вокруг пояса свисающую с ветки лиану и кинулась в реку.

Течение моментально отнесло в сторону, седая макушка осталась позади. Я выругалась вслух, вода тут же залилась в рот. Отплеываясь от ряски, подтянулась на лиане и выбралась на берег.

Утопающий все еще пускает пузыри – живой значит.

– Держись. Я сейчас, – прошептала я, сдувая с носа холодную каплю.

Отбежав по берегу против течения, я снова вошла в воду. На этот раз осторожно, стараясь удержаться на ногах. В конце концов, меня сбило, но успела поравняться с седой макушкой и схватить за волосы. Когда дернула ее на себя, из воды показалось старческое лицо. Попыталась тянуть, но тело не сдвинулось с места, словно его за ноги кто-то держит.

Пришлось набрать побольше воздуха и нырнуть.

В водяной линзе картинка расплылась, фигуры превратились в мутные пятна. Я вцепилась в скользкие водоросли,

чтобы снова не уплыть с течением. Среди песчаной взвеси разглядела опутанные веревкой ноги. Другой конец привязан к крупному куску сияющего металла. Руки стянуты за спиной, длинная борода плавает в толще воды, как лохматая рыба.

Борясь с течением, мне удалось подплыть к ногам барахтающегося старика. Долго возилась с узлом.

Пока ковырялась, молилась, чтоб дед не помер. Зря я, что ли, тут подводным плаванием занимаюсь.

Наконец удалось развязать веревку. Чтобы всплыть, пришлось грести за двоих, когда голова оказалась на поверхности, я потащила потерявшего сознание старика к берегу. На одной руке подтягиваться трудно, тело тяжелое от воды, но чувствую, что живой.

Я кое-как вылезла, спотыкаясь о камни, и вытянула утопленника на песок. Дед раскинул руки и лежит, словно отдал душу богам.

– А ну оживай! – прорычала я тихо. – Я жизнью рисковала, между прочим.

Опустившись на колено, я быстро перекинула старика через него. Секунду он не двигался, потом содрогнулся, изо рта с хриплым кашлем полилась вода. Я несколько секунд стучала его по спине, пока не перестал кашлять водорослями. Затем перевернула обратно и облокотила на замшелый валун.

Когда развязывала руки, старец открыл глаза. В мут-

ных радужках желтые точки, морщинистое лицо измождено и изъедено мелкими морщинами. Мокрая борода толстым кольцом свернулась на коленях. С балахона стекают ручьи, ткань облепила тщедушное тело, даже кости сквозь материю проступают. Только теперь дошло – он человек.

– Вот дрянь! – вырвалось у меня.

Резким движением я сорвала с пояса лиану, запрыгнула на камень и замерла, готовая к неожиданностям.

Старик застонал, повернулся на бок. Мелкий песок налип на одежду, делая его похожим на обсыпанного мукой перепела. Затем подтянулся и оперся головой на мшистый камень.

– Спасибо, – проговорил он треснувшим голосом.

Благодарностей от людей я еще не слышала. Поэтому лишь чуть подалась вперед. Старик агрессии не выражал, поэтому через пару мгновений я решилась соскользнуть с камня, но остановилась, все же, на почтительном расстоянии.

С обрыва налетел легкий ветерок и обсыпал земляной пылью. А я только собралась обрадоваться, что, наконец, смыла грязь. Стою, как истукан, покрытая тонким матовым слоем. На серой коже не заметно, но не приятно.

Старик провел ладонью по лицу, смахнул остатки воды и протер глаза двумя пальцами.

– Ты кто такой? – спросила я настороженно.

Дед закричал, выжимая бороду обеими руками. Из толстого жгута волос зажурчала мутная струйка, образуя в песке небольшое углубление.

Из воды вылезла жирная жаба, уселась на мокрый лист и уставилась на нас немигающими глазами.

– Чародей, – ответил он еле слышно.

Я ойкнула, чародей попытался улыбнуться, но изможденное лицо лишь слабо скривилось. Сердце застучало чаще, я нервно сглотнула и огляделась в поисках чего-то, что может сойти за оружие. Рядом с земляной стеной обнаружила кучу веток. Не алмантиновый меч, конечно, но лучше чем ничего.

Я быстро прикинула, как очутиться рядом с кучей, когда старик начнет пускать огонь из рук.

Он проследил за моим взглядом.

– Если бы мог сопротивляться, – успокоил он, – не оказался бы посреди реки с пудом на ногах.

Я подозрительно прищурилась. Боевой маг скорее погибнет, чем позволит бросить себя на корм рыбам.

Озарение блеснуло радужной вспышкой. В груди застучало еще чаще, пришлось сделать глубокий вдох, да так, чтобы старик не заметил.

Я откинула ветку, которая под напором ветерка лезет в лицо и спросила:

– Чародей? Значит, высшей магией владеешь?

Старик потер нос мокрым рукавом и уронил голову на грудь.

– Владею... – угрюмо проговорил он.

Я осмелела и шагнула ближе.

– Как же вышло, что могучий чародей чуть не утонул?

Дед горько усмехнулся, старческое лицо скривилось, морщины прорисовались сильнее.

– Солнечные эльфы постарались, – сказал он с сожалением.

Я покосилась на заросли обрыва, где с единорогом ковыряется белокожий, и проговорила вкрадчиво:

– А меня, значит, не боишься?

– Я же не слепой, – сказал он, шмыгнув носом. – Ты другая.

– Другая, – согласилась я. – Не солнечная ни капли, но злая и потерянная.

Он окинул меня усталым взглядом, зрачки расширились на столько, что кажется – там по маленькой бездне. Старик что-то пробормотал, так тихо, что даже я со своим эльфийским слухом не разобрала.

Боясь, что он очухается и шарахнет магией, я постаралась придать лицу невозмутимый вид, словно контролирую ситуацию. Затем потерла пальцами подбородок и проговорила задумчиво:

– Вообще-то, на берегу за кустами сидит один такой, солнечный. Меня ждет.

Чародей вжался в камень, старческое лицо в ужасе вытянулось. Он зажал песок в кулаке и поджал колени.

– Прошу, не говори ему обо мне, – заговорил он быстрым шепотом. – Солнечные эльфы не любят людей. А чародеев

вообще ненавидят. Я попал к ним из-за беспечности, и чуть не поплатился жизнью.

Взгляд старика стал умоляющим и жалким, я еще раз оглядела его и выдохнула. Он на ногах не стоит, худющий – в чем только душа держится, руки трясутся. Даже не все зубы на месте. Может раньше он и был великим чародеем, но сейчас передо мной обычный старец с большими суставами и выпадающими волосами.

– Хорошо, не скажу, – согласилась я деловито. – Могу рассчитывать на небольшую плату за твое, можно сказать, двойное спасение?

Чародей покорно кивнул, я продолжила:

– Мне известно, чародеи способны творить чудеса.

Я послала ему испытующий взгляд, старик снова кивнул, мокрые волосы на голове качнулись. На лице озадаченность, глазные яблоки покраснели от долгого пребывания под водой.

– Я потеряла память, – сказала я коротко. – Верни ее.

Старик нервно сглотнул, голова стукнулась о мох, будто проверила – действительно это его голова или может чья-то еще. Он скривился. Лицо приобрело здоровый цвет, борода как-то незаметно высохла и распушилась, балахон тоже просох и свободно повис на костлявом теле.

Чародей покачал головой.

– Не могу.

Я мысленно выругалась на себя – ну конечно, чего и сле-

довало ожидать. Внутри все закипело, но проговорила я все так же плавно, с расстановкой:

– Тогда, может, все-таки позвать солнечного эльфа? Уверенна, вы найдете, о чем потолковать.

Чародей загреб ногами песок, попытался отодвинуться, в серых глазах мелькнула паника и обреченность.

– Нет, ты не поняла, желтоглазая, – поспешно проговорил он. – Я не отказываюсь. Просто ничего не вижу. Обычно у эльфов в середине солнечного сплетения цветной огонек. У солнечных – желтый, у темных – фиолетовый, у лесных – зеленоватый. А ты словно непроглядная пучина.

Надежда на то, что он взмахнет рукой, осыплет серебряной пылью, и я вспомню все рухнула, как песчаный замок. Я горько усмехнулась про себя – непроглядная пучина. Толи еще будет, серая эльфийка...

Длинный лист упал с дерева и опустился на плечо. Я смахнула его небрежно и приготовилась уйти, пускай дальше сам разбирается со своими делами.

Жилистые ладони чародея уперлись в камень позади, он поднапрягся и поднялся на ноги, выпрямившись. Его облик изменился на глазах – волосы и борода распрямылись, засветились приятной сединой.

Темно-коричневый балахон раздулся от ветра, края колыхнулись, как крылья. Глаза прояснились, а в серых радужках заблестели золотые вкрапления. Морщинистое лицо разгладилось, он сказал пободревшим голосом:

– Погоди. Есть кое-что.

Я остановилась в пол оборота и вопросительно посмотрела на старца. Тот отряхнул балахон и шагнул на встречу, песок хрустнул под сапогами.

Он нервно огляделся и наклонил голову.

– Хотел сохранить в тайне, – прошептал старец, – но... ты спасла меня. А я не люблю быть должником. Так вот слушай, через три дня на Забытую гору упадет Золотой Талисман. Это не просто безделушка, нет. В сердце вещицы кроется первородная магия, дарующая силу и могущество. Талисман сможет вернуть память. Но помни, не одной тебе он нужен. Безумный маг не дремлет.

Из-за кустов раздался обеспокоенный голос Лисгарда:

– Миледи, с вами все в порядке? Прошло много времени, нам пора ехать.

Чародей напряженно замер, вкопав ноги в песок по самые щиколотки, в глазах сверкнули золотые отблески. Наверное, одна часть его все еще разговаривает со мной, а другая уже зрит неведомые миры, где обитают лишь боги.

Новый порыв ветра зашевелил ветки, раздул бороду чародея. Вид у него теперь внушительный, даже мурашки по коже, удивительно, как такого чародея вообще кто-то мог поймать и бросить в реку. Взгляд прямой, смотрит выжидательно.

Я прокричала через плечо:

– Все нормально. Мне еще пару минут нужно. Не подходи,

я не одета.

Из зарослей послышалось смущенное бурчание и фырканье Арума.

– А как туда... – начала я, поворачиваясь к чародею.

Старец вскинул руки и что-то прошептал одними губами. Его охватило синеватое свечение, фигура медленно расплылась в воздухе.

Я крикнула:

– Подожди! Где это место? Где Забытая гора?

Пятно, которое секунду назад было чародеем, превратилось в бледное облачко и медленно поплыло вверх сквозь ветки деревьев.

– Сквозь Чумнолесье на восток, – донесся затихающий голос.

Затем облачко вспыхнуло и растворилось в воздухе.

Я оторопело замерла, прижав ладони к щекам. Чародей быстро восстановился и убрался от греха подальше, чтобы, ни приведи боги, не столкнуться с моим солнечным другом.

Надо отдать должное – он оказался куда порядочнее людей, которых я повстречала в деревне.

Взбудораженные мысли забегали, как тараканы. Я хлопнула ладонью по лбу, чтоб как-то заставить их успокоиться. К моему удивлению в голове сразу посветлело.

Я опустила взгляд – на листе все еще сидит жаба и смотрит, как дергаю ушами. Невольная свидетельница беседы с чародеем. Но это ничего, жаба никому не расскажет.

Забравшись по обрыву, я быстро осмотрела себя – как всегда полуголая и грязная. Попыталась отряхнуть плотную пыль, но больше размазала. Я досадно вздохнула, затем подошла к кустам и раздвинула ветки.

На поляне стоит Лисгард, любовно гладит единорога по довольной морде. Тот кивает и тыкается носом, мол, гладь еще, мне нравится.

Несколько секунд пришлось прятаться в кустах, чтобы успокоить дерганье в пальцах. Если высокородный заметит напряжение, мне придется отвечать на поток глупых вопросов. Ему же не объяснить, что остаться в живых после встречи с чародеем, еще и получить шанс вернуть память – многого стоит.

Я шагнула из кустов и подошла к белокожему. Мокрая насквозь юбка и кусок ткани на груди противно прилипают к телу. Ветерок щекочет влажную кожу, аж мурашки бегают.

Лисгард обернулся, локон гривы выскользнул из ладони, он вытаращил глаза

Я развела руки и пробормотала:

– Свалилась в воду.

Белокожий подозрительно хмыкнул, но смолчал.

Пока я пыталась расправить прилипшую юбку, он украдкой пялился, но всякий раз, когда поднимала взгляд, отворачивался и делал вид, что занят гривой Арума, а я сердито кривилась и нервно дергала ушами.

Наконец, солнечный приглашающе провел ладонью по

спине Арума. Он протянул руку. Я подошла, игнорируя предложение, и в один прыжок взлетела на единорога. Лисгард снова хмыкнул, тут же оказался за спиной, мы снова двинулись сквозь заросли.

Мокрая юбка задралась и собралась холодными, складками на бедрах. Противно, сил нет. Хочется содрать и просушить, если б не спутник – так бы и сделала. Снизу поддувает ветерок и разгоняет мурашки. Над ухом пыхтит белокожий, шумно глотает и периодически отсаживается подальше.

В голове утренней звездой сияет мысль – Забытая гора. Золотой талисман. Последняя ниточка, которая ведет к ответам. Что там чародей говорил? Безумный маг? Не важно, главное – добыть талисман, вернуть память и отправиться домой. Он у меня наверняка есть.

Лес превратился в густую чащу, стволы деревьев пошли толстые, покрытые то ли мхом, то ли каким-то зеленым налетом. Кроны сомкнулись и непроницаемый купол накрыл плотной тенью, почему-то возникло ощущение, что сверху наблюдают огромные глаза и провожают молча.

Вокруг блаженная прохлада, даже нет – сырость. Арум цепляет брюхом кусты и недовольно фыркает, копыта беззвучно утопают в рыхлом дерне, оставляя широкие следы.

Я втянула воздух и закрыла глаза – в носу приятно защекотало от влаги. В голове замелькали картинки – вот, в нескольких шагах затаилась лиса возле мышинной норы. Оттуда тянет зерном и сухой травой. Над арфолином дремлет

огромный ворон, мерно покачивается на ветке. Где-то справа, за овражком в малиннике расселся медведь. Зверь сыт и доволен, и вот-вот отвалится спать.

Впереди запахло магией. Лисгард легонько постучал по плечу, я вздрогнула и открыла глаза.

В середине опушки два огромных камня, трава закрывает монолиты почти до половины. В узком проходе между глыбами торчат плотные заросли падуба и толстоствольных берез. Ветки переплелись так плотно, что создали непроходимую стену. Гиганты густо опутаны плющом, кое-где поросли пятнами мха, делая камни похожими на сгорбившихся зеленых великанов. Суровое местечко, сразу видно – люди тут не бывали, а если бывали, то недолго.

Лисгард спрыгнул с единорога.

– Мы у Незримых врат, – сказал он важно.

Белокожий подошел к левому камню, по-хозяйски приложил руку к небольшому углублению. Нарочно и не заметишь. Затем произнес что-то. Слова показались знакомыми, но какими-то исковерканными. Что-то про солнечный источник, проход и почтение.

Послышался равномерный гул, камни покрылись голубоватым свечением, в воздух поднялись тысячи светящихся капель. Лисгард подбежал к Аруму и в один прыжок очутился верхом.

– Вперед! – скомандовал он.

Единорог колыхнул гривой и гордой рысью вбежал в про-

ход.

Мягкий свет, как молочный туман, окутал нас со всех сторон и на секунду закрыл видимость. Некоторое время двигались, как показалось, наугад, хотя единорог шагал уверенно.

Когда туман рассеялся, я ахнула:

– Вот это да!

Лисгард трепыхнул ушами и зашуршал доспехами, гордо расправляя плечи.

– Эолум. Величественный город солнечных эльфов, – гордо проговорил он.

Перед нами раскинулась широкая, заросшая зеленью долина. Воздух наполнен головокружительными запахами растительности. Неведомые птицы радостно щебечут в тисовых зарослях, порхают с ветки на ветку небольшими стайками. В центре цирка в сияющей дымке возвышается город. Серебристые шпили, неестественно длинные, пытаются проткнуть небесную твердь. Многоярусные башни и переходы оплетены гигантским плющом и лианами. Слева от города ревет водопад, такой же огромный, как и все здесь. Сверкающие потоки срываются со скалы и с грохотом обрушиваются вниз, в воздухе остается бесконечная радуга.

Я честно призналась:

– Нет слов!

Лисгард удовлетворенно хмыкнул, вытаскивая из гривы Арума репей размером с орех.

– Вы совершенно правы, миледи, – довольно сказал он. –

Этот город центр мира, средоточие знаний и цитадель гармонии. Каждый эльф мечтает поселиться здесь. К сожалению, Эолум не в состоянии вместить всех желающих.

Я удивленно подняла бровь и обернулась.

– Значит, меня могут развернуть у ворот?

Высокородный отшатнулся и проговорил, швыряя репей в кусты:

– Вы же со мной!

Мы двинулись по хорошо утоптанной тропе мимо ароматных кустов жасмина. Солнечные лучи теряются где-то в плотной листве, приятная тень лежит на дороге до самой стены. Если так дальше будет продолжаться, я точно поверю в богов.

Одежда успела подсохнуть и расправиться, даже задранная юбка перестала раздражать. Прохладный ветерок ласково касается кожи, я вздрогнула и снова прижалась спиной к теплым доспехам солнечного. Он хрипло покашлял и подался назад.

Единорог мерно стучит копытами, серебристая грива изредка колышется, то и дело, цепляясь за кусты падуба. Изпод копыт вылетают цветные искры и, рассыпаясь, тают в пыли.

Я провела рукой по гладкой спине Арума, мысленно улыбнулась – красивое животное. Под лоснящейся шкурой перекачиваются тугие валики мышц, длинная грива мерно покачивается в такт шагам, на лбу сверкает остроконечный рог.

Не хотела бы я встретиться в бою с таким зверем. Боковой линией чую – его красота и одухотворенность обманчивы.

Через некоторое время дорога пошла вниз, Арум замедлил шаг и стал чаще оглядываться на хозяина. Лисгард хлопает его по широкой шее и что-то мягко клацает на только им понятном языке.

Я отклонилась в сторону и спросила через плечо:

– Что не так?

Из-за спины донеслось недовольное сопение.

– Арум не любит городские ворота, – нехотя проговорил Лисгард.

Я не поняла.

– Почему?

– Скоро увидите, – ответил он и потянул гриву.

Глава 6

Единорог остановился, высокородный с кошачьей ловкостью прыгнул на землю. Сразу стало неудобно и одиноко на широкой спине скакуна. Я недовольно поежилась.

Белокожий прислонил ладонь к морде Арума, шепнул на ухо неразборчиво, единорог снова зашагал.

Не спешит что-то ничего объяснять. Хотя единорог, который боится ворот, уже настораживает. Да и город слишком уж пышный, вон, как стены сияют. За красивым фасадом всегда есть легкая гнильца. А может и не легкая.

Я прочистила горло и спросила, как бы между прочим:

– Что это был за язык?

Высокородный настороженно поднял уши, показалось, что плечи расправились сильнее, а шея вытянулась.

– Вы о чем? – сказал он не оборачиваясь.

Хотела огрызнуться, чтоб не прикидывался, но вместо этого сделала невинные глазки и захлопала ресницами. Не важно, что не видит, все равно надо хлопать.

Ладонь легла на блестящую спину единорога, я сказала спокойно:

– Возле Незримых врат ты говорил о солнечном источнике. Это что?

Белокожий буквально подпрыгнул на ходу и опасно покрутил головой.

– Говорите тише! – проговорил он громким шепотом.

Я наклонилась к широкой шее Арума и шепнула в ответ:

– Почему?

Лисгард быстро посмотрел на меня. Взгляд удивленный, рот приоткрылся, уши настороженно торчат вверх.

Он снова глянул по сторонам и сказал неуверенно:

– Крайне неосмотрительно упоминать об источнике за пределами Эолума, – он сделал небольшую паузу и поправил клинки на поясе. – Откуда вам известен высший язык?

Я покосилась на белокожего – может снова проверяет? Но тот выглядит действительно озадаченным и встревоженным. Пришлось пожать плечами, уверенность – самое лучшее средство убеждения.

– Понятия не имею, – призналась я. – Услышала, как ты говорил с камнем на каком-то ломаном наречии, правда поняла только общий смысл. По-моему, ты не правильно произносишь слова «открыться» и «свет».

Лисгард растерянно выдохнул, громко прокашлялся. Широкая ладонь скользнула по лбу и сдвинула металлический обруч. Он быстро поправил и опустил пальцы на рукоять. Думала, сейчас заорет проклятья и рассечет пополам прямо на единороге. Но высокородный лишь хмыкнул и многозначительно промолчал.

Впереди показалась белая стена из крупных блоков, каменное полотно сплошным потоком растянулось в обе стороны. Кое-где густой плющ поднялся в половину высоты, но

дальше не лезет, будто что-то мешает. У невидимой границы растение расползлось параллельно земле и образовало длинную зеленую полосу.

Я с сомнением скользнула взглядом по стене и спросила:
– А где ворота?

Лисгард чуть обернулся и улыбнулся загадочно.

– А вот это самое интересное, миледи, – ответил он.

Арум нервно заржал, резко встал на дыбы. Меня с силой откинуло на круп, еле удержалась. Успела вцепиться в серебристый локон единорога и прижаться грудью к спине. Сердце колотится, уши вспыхнули – не хватает еще позорно свалиться в пыль перед белокожим.

Лисгард запоздало спохватился. Конечно, зачем следить за бешеным зверем, пускай швыряет меня, куда хочет. Он цапнул Арума за гриву и с силой потянул к себе, послышался быстрый шепот. Единорог присмирел, перестал дергаться, но пламя в красных глазах все еще полыхает.

Высокородный проговорил виновато, поглаживая питомца по блестящей шкуре:

– Извиняюсь за Арума, ни как не приучу.

Я откинула упавшую на глаза серебряную прядь и подвинулась на середину спины – ха, меня не выбить из седла, даже если оно отсутствует.

– На его месте я бы тоже волновалась, – сказала я с напускным безразличием. – Где вход? Или ты перепрыгнуть решил? Так тут не единорог нужен, а катапульта.

Единорог будто понял, что я приняла его сторону. Перестал вертеть головой, прожигать взглядом стену, присмирел и затих.

Белокожий похлопал зверя по массивной шее и указал вперед.

– Ворота там, – сказал он. – Сейчас открою.

Медленно приблизились к сооружению. При ближайшем рассмотрении стало видно – камни уложены прямо друг на друга, без глины или цемента, но так плотно, что комар носа не подсунет.

– И где, интересно, ворота? – не унималась я.

Лисгард обернулся ко мне с одухотворенным лицом и отступил к стене.

– Узрите мощь солнечного источника! – прокричал он и громко хлопнул в ладоши.

Руки высокородного развелись, губы быстро забормотали слова на том же ломаном языке. Лицо сосредоточенное и грозное, не нравится мне это. Ох, как не нравится. Разобрала только обрывки фраз – двери мира... песнь солнца... огонь очищения...

Огонь?

Белокожий быстро повернулся и выкрикнул заклинание. Затем выбросил правую руку вперед. С пальцев сорвались желтые искры и с монетным звоном ударили в стену. Каменные плиты вспыхнули, как хворост, и утонули в ярком пламени. От камней пахло жаром раскаленной печи. От-

ненные ворота быстро расширились, теперь можно проехать верхом.

Веселые языки огня пляшут, как полоумные шуты. Я в ужасе отшатнулась. Арум не дурак – кому хочется ломиться сквозь огонь каждый раз, когда выходишь на улицу?

Трава перед стеной моментально пожухла и почернела. Лисгард сделал смиренное лицо и вскинул руки.

– Да не пройдет тьма в священный город Эолум, – произнес он величественно, – да очистится всяк от скверны!

При воспоминаниях об ожогах меня всю передернуло.

– Ты серьезно собираешься лезть в эту печку? – прошептала я. – Только не огонь. Лучше сразу голову руби.

Я вцепилась в локон Арума. Тот ощутил мой страх, покопился красным глазом и часто закивал, мол, я согласен, давай не будет туда ходить.

Лисгард сделал приглашающий жест рукой и проговорил:

– Прошу, миледи, пройдите через врата.

Я выпалила, пятась прямо на единороге:

– Ты в свое уме? Не полезу я в это пекло. Меня солнце чуть не зажарило, а ты снова в духовку гонишь. Не выйдет. Хочешь убить – придумай что-нибудь другое.

Пламя разгорелось еще сильнее, огонь в середине стал белым и загадочно потрескивает камнями. Я прикрыла лицо ладонью – да таким жаром можно плавить горы! Пускай предложат гномам, может выручат чего, солнечные скряги.

Лицо белокожего приняло отрешенное выражение, в гла-

зах полыхнуло синим. Слушает в пол уха, наверное, грезит о сияющем источнике, или как там его.

Он смиренно сцепил пальцы перед собой и проговорил с расстановкой:

– Миледи, через ворота Эолума могут пройти лишь эльфы с чистой душой. Остальные сгорят в священном пламени. Уверен, вы справитесь, несмотря на... – он окинул меня оценивающим, но не агрессивным взглядом, – свою необычность. Тем не менее, я не могу рисковать безопасностью города.

Внутри меня все закипело. В голове мелькнула мысль – может пришпорить Арума и умчаться подальше от этого хаоса и безумия?

Покосилась на единорога. И поняла, что не выйдет. Он же боевой товарищ, хозяина не предаст из-за какого-то пламени. Потом, солнечные эльфы хорошо знают местность и быстро меня найдут.

Я простонала от беспомощности. Лисгард опустил руки и сосредоточенно смотрит, как я перепугано дергаю ушами. Взгляд холодный и бесстрастный, в глубине зрачков мелькают опасные искры.

Лисгард снова сделал приглашающий жест и взялся за локон единорога.

– Миледи, прошу, – сказал он спокойно. – Это неизбежно. Я метнула в него бешеный взгляд и прошипела:

– Ладно, Лисгард. Если я сгорю – моя кровь будет на тво-

их руках. Буду призраком являться тебе каждую ночь и мучить пока, не отправишься на тот свет. А когда, наконец, померешь, буду терзать твоих детей и внуков.

Он безразлично хмыкнул, чопорно поднял подбородок и повел Арума к воротам. Копыта глухо простучали по выжженной траве. Я презрительно заглянула в рубиновый глаз предателя, единорог лишь вздохнул, сдувая бока, как кожухи.

Арум на секунду замер у самого края, и мою кожу опалило жаром, из прохода полыхает, как из домны. Посмотрела на высокородного – тот шагает, как ни в чем не бывало.

Я зажмурилась – не хочу смотреть, как кожа сморщится, покроется пузырями и полопается. А боль... Боль стерплю, чего уж мне.

Сверху донеслось хлопанье крыльев, я открыла глаза и подняла голову. Прямо надо мной нарезает круги огромный ворон и косится белесым глазом. Кажется, это он вопил надо мной в пустыне

Белокожий его не заметил и пялится в огонь с фанатичной преданностью.

Ворон сделал еще один круг и замер строго надо мной. Не знала, что вороны так умеют. Затем круто спикировал и кувыркнулся через крыло.

Сверху ударил ледяной порыв, по спине пробежала волна серых мурашек и скрылась где-то в области юбки. Озноб пробрал до самых внутренностей, будто растворился в кро-

ви.

Хотела помахать ворону, но птица кинулась в сторону и молча скрылась в верхних ярусах леса.

На меня опустилось странное спокойствие и умиротворённость. Покосилась на Лисгарда. Тот выжидательно поглядывает на меня и нервно стучит носком по траве. По лицу вижу – ворона не заметил.

Единорог сделал несколько шагов к проходу. С удивлением обнаружила, что огонь больше не обжигает, языки пламени почти касаются ног, но чувствую лишь легкое щекотание. Чудны дела твои.

Я чуть пришпорила Арума и двинулась навстречу полыхающим вратам. Единорог, гарцуя, вошел в огонь. Уши нервно подергиваются, глаза дикие, но шагает уверенно. Точно, как я и думала, ходит он тут часто, а что боится – так больше выделяется. Огонь для него безвреден.

И для меня, похоже, тоже.

Покосившись на высокородного, я проговорила с ухмылкой:

– Так-то, высокородный солнечный лорд.

– Вы о чем?

– Не только вам с огнем дружбу водить, – пояснила я. – Хоть такая дружба и пахнет горелым мясом и старой сажей.

Вскинув голову, я выпрямила спину и гордо проследовала на другую сторону.

Копыта Арума зацокали по ровно уложенному камню, вход в город почему-то совсем пустой. Ожидала увидеть толпы стражников, на худой конец парочку горожан. Но передо мной лишь узкая улица и витиеватые балконы. Брусчатка блестит полированными боками, стены домов, белоснежные на столько, что так и тянет испачкать.

– Слишком светло, – пробормотала я. – Надо какие-нибудь стеклышки для глаз, чтоб затемняли.

Оглянулась, Лисгард вышел сразу за мной и остановился у ворот. Руки солнечного замельтешили, как лопасти мельницы. Раздался уверенный голос. Если бы не пытался меня сжечь, засмотрелась бы.

Проход ярко вспыхнул, мерцающие искры рассыпались по брусчатке и потухли. Врата исчезли, оставив гладкую белую стену из зачарованного камня.

Я придирчиво осмотрела себя – кожа ровная, здоровая, разве что пыльная. Даже волосы не опалило.

Высокородный подошел ко мне, сияя от радости. Безумный огонь в глазах пропал, смотрит довольно, с уважением, а в синих радужках искорки счастья. Он похлопал единорога по серебристому боку, губы растянулись в сдержанной улыбке.

– Вот видите, миледи, – проговорил он бодро. – Я говорил, если дух чист, огонь не причинит вреда.

Я с сомнением посмотрела на Лисгарда, пытаюсь найти остатки фанатичного блеска. Но белокожий смотрит откры-

то и бесхитростно, на чистом лице уверенность и одухотворенность.

Я смахнула пальцами пыль с плеча и сказала язвительно:

– А если бы причинил? Если бы я вспыхнула, как пучок соломы?

Лисгард проговорил со скорбным лицом:

– Я бы очень расстроился. Но что поделать, солнечный источник неумолим.

Эльф прикоснулся пальцами к шее Арума и мы направились вверх по улице. По мере продвижения стали попадаться эльфы. Одни не обращали внимания на меня, другие откровенно пялились, останавливаясь посреди дороги.

Все, как один, белокожие, с торчащими ушами. Волосы туго затянуты в хвосты и косы. Одежда скромная и аккуратная – на женщинах платья в пол, на мужчинах длинные брюки и свободные рубахи. Я бросила на Лисгарда короткий взгляд. Он отличается от горожан – сияющие доспехи сверкают на солнце, волосы свободно скользят по плечам, наверное, никогда не завязывал. Смотрит уверенно и по-хозяйски.

Я повертела головой и спросила:

– Почему так мало народа? Где все?

Лисгард приветственно кивнул какому-то эльфу, тот почтительно поклонился и поспешил скрыться за дверями с изображением иголки и нитки. Белокожий устремил взгляд вперед и сказал многозначительно:

– Благородные эльфы редко занимаются праздными ша-

таниями.

Я отклонилась назад, откидывая запутанные волосы, и ухмыльнулась, все такие одухотворенные, куда уж расхаживать среди бела дня. Затем отвернулась в сторону, делая вид, что разглядываю присевшую в реверансе белокожую.

– Чем же они занимаются? – невинно спросила я.

– Кто?

– Твои благородные.

Лисгард деликатно не заметил иронии и поднял палец к уху.

– Вершат судьбы простого народа, – проговорил он значительно, – который не всегда может позаботиться о себе. Миледи, неужели думаете, что Эолум достиг процветания сам? Если бы мы не следили за иерархией, не поддерживали баланс между представителями разных сословий – город давно погряз бы в склоках и праздности.

Я промолчала. Издалека город выглядел действительно огромным. Для такого сложного механизма, как Эолум жизненно необходима система, которая будет четко очерчивать границы дозволенного.

Представила высокую гору – у подножья толпа эльфов занимается повседневными делами. Чуть выше по склону – эльфы посолиднее. Их должно быть значительно меньше. Во-первых, склон не удержит всех желающих, а во-вторых, большое количество знати плохо сказывается на благополучии народа. Еще выше толпится совсем маленькая группка,

которая должна заниматься серьезными вопросами. Придумывать законы и следить за порядком. На самой верхушке непременно находится один, главный эльф. Он наблюдает и контролирует процессы.

Определенно, в иерархии что-то есть.

Арум тряхнул гривой и зашагал быстрее, меня качнуло и вытолкнуло из размышлений. Улица стала шире, аккуратно уложенная брусчатка кое-где потемнела от времени. Белокожие при виде нас опасливо отпрыгивают в сторону.

– Они от меня шарахаются, – проговорила я задумчиво, – или ты такой трепет внушаешь?

Лисгард, не оборачиваясь, откинул белоснежную прядь с плеча и покачал головой.

– Если бы на мне не было вот этого, – он чуть повернул голову и указал на синий камень в обруче на лбу, – никто не подумал бы уступать дорогу.

Я промолчала – конечно, синий камешек. Все понятно, чего тут непонятного.

Белокожий подождал немного, надеясь, что соображу, затем досадно вздохнул.

– Это синий гаюин, – пояснил он. – Очень редкий и дорогой камень. Гномы добывают его у жерла Черного рудника. За осколок, размером с ноготь, приходится отдавать по пятьдесят человек рабов. Люди не растут в одночасье, приходится забираться все дальше от Светлолесья, открывать новые деревни.

Я хмыкнула. В этом мире ценна только жизнь. Ты бы понимал это, если бы чаще выбирался из тепличных условий города. Рейды на деревни не считаются. Фермеры не в состоянии защититься.

Вместо этого сказала:

– В чем его ценность?

Лисгард подвел Арума к небольшим воротам. На массивных дверях изображена золотая звезда с множеством лучей. Он прикоснулся к центру звезды, створки разошлись в стороны и мы вошли в тенистый дворик.

По бокам заросшие плющом арки, в середине плещется небольшой фонтан с замысловатыми бортами, над ним нависают тяжелые ветви с яркими оранжевыми плодами.

Лисгард остановил единорога, развернулся и протянул руку, стараясь не смотреть на мои обнаженные бедра. Я одновременно ухмыльнулась и устыдилась про себя, когда заметила, как старательно он отводит взгляд.

Едва коснувшись прохладных пальцев Лисгарда, я спрыгнула с Арума. Может местные эльфийки только и делают, что виснут у него на шее, но это не про меня.

Поправив волосы, я вопросительно уставилась на него. Тот неуверенно закричал, отвернулся в сторону.

– Гаюин защищает от железа, – проговорил он сбивчиво. – Синий не дает ализариновому дурману туманить разум и деревенеть. Жёлтый – предупреждает о приближении. Есть еще особый – белый гаюин. В Эолуме лишь король мо-

жет обладать им. Он позволяет противостоять багровой заразе. Даже если схватиться голыми руками за железный прут – ожогов не останется.

Я чуть не присвистнула, но вовремя вспомнила, что я миледи. Пришлось поправить юбку, которая скорее повязка, и сказала вкрадчиво:

– А где можно достать белый гаюин?

Лисгард скользнул взглядом вверх и вниз по моим ногам, затем резко поднял голову, кончики ушей дернулись и вытянулись.

– Миледи, я же сказал, белый камень носит лишь король, – сообщил он. – У остальных просто не хватит сил.

Я не унималась:

– Но зачем королю такая защита? Не разумнее ли отдать камешек тому, у кого нет армии заступников?

– Даже если простой эльф завладеет белым гаюином, – нехотя пояснил белокожий, – от мощи камня ему будет плохо.

– Но король же справляется.

Лисгард поднял указательный палец вверх и произнес важно:

– Он король.

– Все равно не понимаю.

– Чего?

– Почему защитный камень достается тому, у кого власть, а не тому, кто нуждается?

Плечи белокожего передернулись, он строго посмотрел на меня и произнес:

– Вы многого не понимаете. В оправдание его величества скажу, что синий гаюин есть у всех высокородных.

Я фыркнула и сложила руки на груди. Тонкий слух уловил едва различимые шаги, через несколько секунд из арки вышла невысокая эльфийка с затянутыми в узел волосами. При виде нас белокожая вздрогнула и присела в глубоком поклоне.

– О, милорд Лисгард, вы так скоро вернулись, – проговорила она сбивчиво. – Мы сказали милорду Тенадруину не ждать раньше завтрашнего дня.

Белокожий поправил оба меча, и зашептал что-то Аруму в ухо. Единорог преданно покосился на него красным глазом и опустил голову, блестящий рог опасно уставился вперед.

Служанка бросила на меня любопытный взгляд, острый нос беспокойно задергался, делая ее похожей на белку. Длинные уши нервно задергались и покраснели. Старается не смотреть прямо, чтобы не выказать неуважения, но глаза быстро бегают из стороны в сторону.

Эльфийка сложила руки на переднике и опустила взгляд.

– Милорд, – спросила она почтительно, – вашей необычной спутнице потребуется комната и чистая одежда?

Лисгард нахмурился, рука уперлась в бок, он потер пальцами подбородок, как настоящий мыслитель. Подумала – он стыдится меня. Стало немного обидно, я ведь не виновата,

что попала в передрагу.

Несколько секунд солнечный эльф шевелил бровями, мычал под нос неразборчиво, затем сказал куда-то в сторону:

– Да, Рэниаль, отведи миледи в комнату для гостей, рядом с северными анфиладами. Принеси наряд третьего ранга. И еще, – он развернулся и внимательно посмотрел на служанку, – сообщи Тенадруину, что я скоро представлю ему гостью. Не медли.

Лисгард шагнул ко мне, чуть склонился и проговорил так тихо, что бы слышать могла только я:

– Миледи, прошу пока никому не говорить о потере памяти и обо всем, что с вами случилось. Особенно Рэниаль. Она хорошая служанка, но совершенно не умет молчать.

Я кивнула и прижала уши, чувствуя – не все спокойно в величественном городе Эолуме.

Он провел рукой по блестящему боку Арума, единорог зафырчал и цокнул копытом о брусчатку. Во взгляде зверя преданность, вот он я, твой единственный друг, честный и самоотверженный, а остальные вообще не знаю, кто и что тут делают.

Лисгард бросил через плечо:

– И не забудь выдать Аруму порцию листьев шиповника. Проход через ворота снова его растревожил.

Служанка коротко кивнула и присела в почтительном поклоне.

Белокожий посмотрел мне прямо в глаза, лицо хмурое и

озабоченное – наверное, сомневается, хорошо ли его поняла.

Я глянула в глаза и прошептала одними губами:

– Не беспокойся, я быстро учусь. Надеюсь.

Он с тяжелым вздохом протер пальцами лоб, медленно развернулся и скрылся в проеме арки.

Глава 7

Воздух здесь приятный, прохладный. Вероятно, сказывается близость водопада. Хотя, город слишком большой, чтобы освежаться таким способом. А вот толстые стены могут удерживают температуру.

Уперев руку в бок, я глянула исподлобья на служанку. Уши мои вытянулись, кончики зашевелились, улавливая малейшее дуновение. Рэниаль все еще стоит со сцепленными пальцами и открыто разглядывает меня, часто хлопая пушистыми ресницами.

Арум недовольно переступил копытами, в рубиновых глазах молчаливый укор – заставляете ждать меня, такого белого и блестящего, как вам не совестно, я есть хочу.

Я погладила единорога по теплой морде и обратилась к Рэниаль:

– Ну что. Давай, веди меня в покои.

Служанка буквально подпрыгнула на месте, очнулась и всплеснула руками.

– Извините, миледи, – затараторила она, – я просто никогда не видела... Вы такая... оригинальная. Извините мою дерзость. О, я просто не могу сдержать потрясения. Вы серая! О, простите, миледи.

Я хихикнула про себя, белоухая прямо дрожит от собственной смелости. Слуг держат в ежовых рукавицах, вон,

бедняжка, как заикается и трясется.

Махнув рукой, я сдула волосину с лица.

– Да не бойся, – проговорила я ободряюще. – Никто не узнает.

Плечи белокожей расслабились, она выдохнула, но взгляд остался встревоженным, мало ли что у меня на уме. В груди запоздало потеплело – меня причислили к господам, иначе не тряслась бы так. Теперь слугам нужно гадать, что творится в моей господской голове.

Рэниаль осторожно, боясь сделать лишнее движение, подошла к единорогу, погладила по блестящей морде. Тот довольно зафыркал, служанка осмелела и обхватила ладонями огромную голову.

– Сейчас тебя покормят, бедолага, – сказала она ласково. – Устал, наверное, понервничал? Хозяин снова таскал тебя через эти жуткие ворота?

Единорог потряс густой гривой, закивал, мол, да-да, обижает меня как хочет, а я, несчастный, терплю, служу верой и правдой.

Служанка обернулась и позвала:

– Ллей, Маллей! Сюда!

Из-за арки высунулись две маленькие рыжие головы, лица заспанные, из волос торчат куски соломы. При виде Арума щеки втянулись, глаза округлились. Близнецы с наигранной бодростью выскочили из-за стены, рубахи помятые, кое-где даже дыры, подбежали к единорогу и повели в дальний конец

дворика.

Арум гордо вскинул голову и взмахнул роскошным хвостом. Затем со звонким цокотом направился за эльфятами, пока не скрылся в черноте прохода.

Рэниаль обернулась ко мне, снова присела в реверансе, заплетенная макушка сверкнула перед носом.

– Миледи, идемте, – почтительно проговорила она.

Мы вошли в темную арку и двинулись по прохладному коридору. От стен веет мощью и древностью, волосы на затылке невольно зашевелились – каждый камешек пропитан старой магией. Таковую вряд ли помнят простые эльфы. По стенам расплзся толстый плющ, цепляется за гладкий камень, стебли лезут куда-то, создают причудливые узоры.

Служанка осторожно шагает впереди, деликатно указывает путь в запутанных коридорах. Я таращусь на зелень посреди замка, осторожно огибая лозы, которые слишком далеко протянулись от стен. Некоторые ветки настолько тонкие, что напоминают волоски в гриве единорога. Зато листья на них почти с ладонь.

Рэниаль стучит кожаными... Я потянула носом – да, кожаными каблуками. А я, вот, совершенно бесшумна – шагаю босыми ногами по гладким камням, ступни приятно обдает многолетней прохладой. Я улыбнулась себе, на секунду представив, что нахожусь не в эльфийском замке, а в тенистом лесу у водопада, где со всех сторон прохлада и свежесть.

Когда Рэниаль остановилась возле крохотной дверцы, я выпала из раздумий. Она наклонилась и постучала. Дверца открылась, оттуда высунулось чистое, как весенний ручей, лицо маленькой эльфийки с ясными голубыми глазами.

Служанка приказала быстрым шепотом:

– Немедленно проверить покои у северных анфилад. Для миледи. И одежду под стать милорду.

Маленькая эльфийка молча кивнула и скрылась в дверном проеме. Рэниаль с довольным лицом поправила подол юбки и робко улыбнулась.

– Миледи, мы не ждали, что милорд Лисгард приедет не один, – сказала она извиняясь. – Эти покои обычно готовы, но не стоит надеяться лишь на добросовестность горничных. Необходим контроль.

Я пожала плечами.

– Верю. Ты, главное успокойся, не нервничай. А то от переживаний волосы выпадут, и кожа посереет, как у меня.

Лицо служанки исказилось от смущения и страха, на щеках проступили красные пятна. Я запоздало поняла, что мало кто из господ разговаривает в таком тоне. Судя по манерам Лисгарда – белокожие те еще вельможи.

Она опустила взгляд и сочувственно пробормотала под нос:

– Миледи, если это правда, если с вами такое случилось – я очень сожалею. Мы найдем лучших врачей, лучших магов вернем вам сияние.

Я не удержалась, приснула от смеха, таинственное эхо раскатилось под сводами и разлетелось далеко по коридорам. От хохота, вероятно нервного, меня согнуло по полам, и трясло чуть ли не до слез, пока, изумленная служанка наблюдала в немом оцепенении.

Когда приступ хохота прошел, я, наконец, выпрямилась, вытирая глаза, и проговорила сквозь смешки:

– Ты, главное, не бойся. Это не заразно.

Я попробовала чуть наклониться вперед, пытаюсь взглядами намекнуть, что вот тут надо было смеяться, ну или хотя бы улыбнуться. Служанка тупо захлопала ресницами, глаза круглые, непонимающие.

– Забудь, – сказала я, махнув рукой.

Мы снова двинулись по коридорам, пока не пришли к массивной деревянной двери с изображением пылающей птицы. Рэниаль толкнула створку, двери открылась и мы вошли.

Мягкая роскошь на секунду остановила меня прямо на входе. Над широкой кроватью с россыпями изумрудов в изголовье, колышутся сиреневые балдахины, стены обиты розовой тканью. Удивительно, как смогли соединить уют и благородство. Пол отполирован до такой степени, что можно кататься. В середине комнаты над полом висит прозрачный кристалл, размером с табуретку и сияет равномерным матовым светом. На окнах шевелятся многослойные шторы.

Я растерянно оглянулась на служанку и проговорила впечатленно:

– Говоришь, это гостевая?

Рэниаль непонимающе сдвинула брови и проговорила с виноватым видом:

– Да, миледи. Извините, миледи, мы бы поселили вас в южном крыле. Там солнца больше, и апартаменты шире. Но милорд сам приказал отвести вас сюда.

У меня даже рот раскрылся, едва не произнесла все, что пронеслось в голове. Шире? Зачем шире? Тут и так можно на единороге скакать, потолок в золотых лентах, а кровать-то...

Я замахала руками и сказала потрясенно:

– Рэниаль, все в порядке. Мне нравятся мои, гм, апартаменты. Вот и шторы колышутся, и камешек над полом висит. Что это, кстати?

Служанка с недоверием посмотрела на меня, уши виновато прижались, бедняжку сейчас разорвет от противоречивых эмоций.

– Это адуляр, камень для световой подпитки, – проговорила она осторожно.

Я сделала умное лицо. Понимаю, кожа у меня и не сияет, и до высокородности, как до Забытой горы на козе, но чую – я умная. Во всяком случае, была.

– Да-да, точно. Адуляр, – кивнула я и улыбнулась, вроде как шучу.

Служанка странно посмотрела. Я мысленно обругала себя за неосторожность. Белокожая быстро разнесет по всему Эолуму, что хозяин привел в дом чокнутую серую эльфийку,

которая не знает, как обращаться с, подумать только, адуляром.

Я потянулась всем телом, почувствовала, как удлинился позвоночник, талия утончилась – можно ладонями обхватить, мышцы сзади приятно растянулись. Бросила быстрый взгляд на Рэниаль – та смотрит, не шевелясь, глупо хлопает ресницами. Наверное, высокородным не положено потягиваться в присутствии слуг.

Пришлось резко хрустнуть корпусом и вернуться в прежнее положение.

– Где можно искупаться? – спросила я невозмутимо. – А то похожа на облезлую кошку после драки.

Служанка всплеснула руками, каблучки простучали по полу и остановились у незаметной двери.

– Вот здесь, – шепнула она и указала на ручку. – Тут серая госпожа найдет все, что нужно.

Обращение «серая госпожа» мне понравилось, я приосанилась, даже подбородок вскинула. Служанка это заметила и почему-то присела в поклоне. Секунду я смотрела на нее, не зная, как реагировать. Затем пожала плечами, оставив ее наедине с придворным этикетом.

Я прошла по комнате, провела рукой по прозрачному балдахину, кожа отозвалась приятным щекотанием. От ткани струится тончайший цитрусовый запах, будто кто-то специально ходил и отмерял – сколько капель нужно на каждый отрезок, чтобы создать правильный баланс.

Рэниаль осторожно покашляла за спиной.

– Миледи, вам еще что-нибудь нужно? – спросила она робко.

Я покосилась на нее через плечо, в который раз изумляясь покладистости. Где-то глубоко внутри даже появилась жалость к эльфийке, которой приходится плевать на собственные желания и бросаться выполнять любой приказ хозяина.

– Нет, – ответила я и взмахнула рукой. – Ты свободна, как ветер в поле.

Служанка присела в глубоком поклоне и попятилась к выходу. У самой двери, спохватившись, подняла голову – в глазах неуверенность и сомнение.

– Миледи?

– Да.

Она вцепилась пальцами в передник юбки и проговорила тихо:

– Миледи, позвольте узнать, как к вам обращаться?

– Гм, – промычала я.

Я глянула в окно, за прозрачными шторами колышутся ветки с фруктами, наверное, вкусные. Солнечные эльфы не стали бы выращивать в Эолуме всякую гадость. Хотя, Лисгард с удовольствием жевал мерзкие ягодки.

Несколько секунд пыталась вспомнить, не говорил ли высокородный что-нибудь об именах и прозвищах. Потом поняла, этот вопрос мы вообще выпустили из виду и теперь придется выпутываться самой, да так, чтобы не попасться на

неточностях.

Я предложила:

– Называй меня «миледи».

Служанка охнула, прикрыла рот ладонью. Я скривилась, представляя, что она вообразила. Господин привез таинственную незнакомку необычной внешности, поселил в отдельные покои подальше от всех.

Рэниаль сцепила ладони за спиной и чуть подалась вперед.

– О! Серая госпожа предпочитает, оставаться неузнанной, – проговорила она быстрым шепотом. – Я сохраню вашу тайну! От меня никто ничего не узнает.

Она снова присела, заплетенная макушка уставилась в потолок. Белые уши прижались в знак почтения. Затем служанка поспешно развернулась и выскользнула за дверь. Замок тихо щелкнул.

Я ухмыльнулась – да уж конечно, не узнает. Наверняка уже бежишь в кухни, чтобы рассказать подругам, что хозяин приютил серую. А те, расскажут своим знакомым, и так по цепочке. В итоге окажется, что у Лисгарда есть тайный ребенок, которого прячут в дремучих лесах.

На меня накатило расслабление и блаженство эльфа, который наконец-то остался один. Снова потянувшись, я поглядела по сторонам, убеждаясь, что никто не дышит в затылок и не пытается прижечь каленым железом. Потом покосилась на столы и колонны, за которыми вполне может спрятаться

лазутчик. Но в комнате пусто, как в моей голове.

У дальнего окна захлопали крылья, оглянулась – на подоконнике сидит черный ворон и внимательно смотрит белым слюдяным глазом.

Я подошла, прозрачный ворох штор разлетелся в стороны. Когда осторожно протянула ладонь, птица нерешительно потопталась на месте и запрыгнула на руку.

Меня качнуло, будто на локте повисла гиря, я отклонилась назад подальше от клюва. Он непривычно огромный, а кончик сверкает, словно заточенный.

Птица деловито повертела головой, белые глаза по очереди оценили меня с головы до ног. От взгляда птицы меня передернуло. Ворон будто в самую душу смотрит. Черные, как деготь перья переливаются синевой, клюв наполовину зарос то ли пухом, то ли шерстью. Когти такие, что с легкостью разорвут руку в клочья, но он будто знает о своей силе и держится аккуратно, даже не колется.

Я осторожно погладила птицу по голове, понимая каким-то особым чутьем – с животными надо по-доброму, тогда и они ответят тем же.

– Красавец, – проговорила я ласково. – Какие у тебя гладкие пёрышки. И глазки просто алмазы. Откуда ты такой взялся?

Ворон переступил на лапах, поднял голову, клюв щелкнул у самого носа, я резко отклонилась.

– Ну ты чего? – сказала я с укором. – У тебя, вон, какая

пика на носу – сразу меня победишь. А я хрупкая, меня беречь надо.

Ворон наклонил голову, блестящий глаз загадочно сверкнул, во взгляде читается – мы оба знаем, какая ты хрупкая, особенно если меч в руки дать.

Он вытянул шею и каркнул так, что меня едва с ног не снесло. Наверное, слышно на весь двор. Откуда-то снизу слышались возмущенные возгласы эльфиек, кто-то простучал каблучками по мостовой.

Я высунулась в окно вместе с пернатым и слегка подкинула руку.

– Давай, дружок, лети, – взмолилась я. – А то на твои крики сейчас пол Эолума сбежится, вопросы задавать начнут. Не могу же я сказать, что сам ко мне прилетел. Еще прибьют.

Птица щелкнула клювом, во взгляде немой укор – вроде я со всей душой, а ты за свою шкуру трясешься. Крикун присел, меня сотрясло от толчка, птица в несколько взмахов поднялась так высоко, что уже и не различить – ворон там или голубь.

Я уперлась ладонями в мраморный подоконник, задрала голову к небу, пока силуэт птицы не затерялся среди кудрявых облаков. В очередной раз позавидовала крылатой твари.

– Врагов нет, – проговорила я ему вслед. – Сам, кого хочешь, заклюешь. А для жизни – все небо.

Легкая занавеска колыхнулась от ветерка, ткань скользнула по локтю, я вздрогнула от нежного прикосновения. Кожа

затрепетала, словно ее омыли водами самого чистого родника в мире.

В дверь уверенно постучали. Я поспешно обернулась и прошлепала босыми ногами до кровати.

– Войдите, – сказала я четко.

На пороге возник Лисгард, глаза горят, грудь высоко вздымается, будто бежал через весь Эолум, латы сверкают в свете адуляра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.